Ж 8 10/127

Кв 10/127

ельство „ЗЕМЛЯКЪ“.

М. Сумкинъ.

Въ Сибирь за землею.

(Изъ Калужской губ. въ Семипалатинскую область).

ЗАПИСКИ ХОДОКА.

Цѣна 10 коп.

Москва.
1908.

Издательство „ЗЕМЛЯКЪ“.

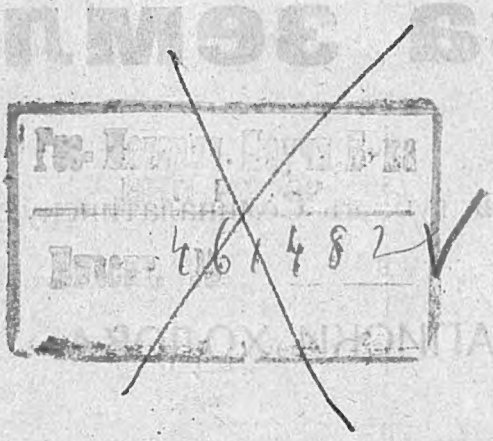
К8 10/127

М. Сумкинъ.

Въ Сибирь за землею.

(Изъ Калужской губ. въ Семипалатинскую область).

ЗАПИСКИ ХОДОКА.


Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
461482

МОСКВА.
Тип. „Печатное Дѣло“, бывш. Ф. Я. Бурче. Тверск. бул., д. Яголковскаго.

I

Что заставило меня отправиться ходокомъ въ Сибирь.

Въ ясный весенній день 8 мая 1907 года я вышелъ изъ родимой деревни. Я отправлялся въ Сибирь искать вольной земли, чтобъ устроить тамъ хорошую крестьянскую жизнь безъ вѣчной нужды, безъ частаго „недорода“ и безъ жестокой кабалы деревенскихъ кулаковъ.

Я прочелъ нѣсколько книжекъ, изданныхъ Переселенческимъ Управл. для ходоковъ и раздаваемыхъ земскимъ начальникомъ, и Сибирь рисовалась мнѣ въ очень розовыхъ краскахъ: тамъ, думалъ я, пустуетъ много плодородной земли, тамъ много лѣса и сколько угодно хорошихъ луговъ.

Ничего что климатъ тамъ суровый: говорятъ, что въ Сибири короткое лѣто и длинная лютая зима, что морозы не чета россійскимъ и часты страшные бураны.

Но вѣдь Сибирь велика и климатъ въ ней не одинаковъ. Вѣдь есть же тамъ мѣста, гдѣ растутъ даже арбузы и дыни и, вѣроятно, тамъ тепло какъ въ Малороссіи.

Ахъ, если бы удалось мнѣ найти удобное, хорошее мѣсто! Тогда переселилась бы туда третья часть нашей огромной деревни, и мы устроили бы образцовое селеніе. Мы усердно прислушивались бы къ голосу знающихъ сельское хозяйство и старались бы примѣнить всѣ лучшіе способы обработки земли. Мы завели бы всевозможныя сельскохозяйственныя машины, самыя современныя и самыя лучшія. У насъ будутъ простерные огороды со всякими овощами, можетъ быть будутъ и бахчи съ арбузами и дынями, и если будетъ возможно, мы разведемъ и сады. Въ переселенческихъ книжкахъ вѣдь упоминается, что разведеніе садовъ въ нѣкоторой части Сибири дѣло возможное и уже начатое.

Среди насъ есть всякіе мастеровые и, слѣдовательно, если строительный матеріалъ будетъ свой, не купленный, мы можемъ сдѣлать крѣпкія и красивыя постройки, такъ что будущее селеніе наше дѣйствительно можетъ быть образцовымъ и послужить примѣромъ для другихъ.

Такъ размышлялъ я, шагая къ Калугѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда же Господь сподобитъ меня добраться и узрѣть Сибирь.

Давно уже надоѣла всѣмъ намъ наша бродячая полуремесленная, полукрестьянская жизнь. Каждый годъ ранней весной, какъ только начнетъ чуть-чуть пригрѣвать солнышко, мы, печники, каменьщики, штукатуры, плотники и тому подобные рабочіе съ тоской на сердцѣ собираемъ свои сумочки, прощаемся съ семьей и отправляемся на заработки. Куда? — Въ разныя стороны: въ города, на желѣзныя дороги и въ богатыя помѣщичьи экономіи.

А дома остаются хозяйствовать однѣ женщины съ малыми дѣтьми, да немногіе уцѣлѣвшіе отъ тяжелыхъ отхожихъ работъ старики. Женщины должны вспахать какія есть полоски земли, посѣять, а потомъ сжать, свезти и обмолотить хлѣбъ; онѣ должны накосить и перевозить сѣно, вывезть на поле навозъ и, разумѣется, ухаживать за скотомъ, за свиньями, за курами и сколько-нибудь за домомъ и за дѣтьми. А сколько еще работы съ коноплей, со льномъ и съ холстами! Какъ онѣ могутъ со всѣмъ этимъ управиться? и легко ли все это подѣлать?

Въ Малороссіи даже простые люди не вѣрятъ намъ, что у насъ женщины принуждены дѣлать всѣ эти крестьянскія работы. Но къ сожалѣнію это дѣйствительная правда.

Въ тяжелой работѣ беременныя женщины часто надрываются и потомъ подолгу и тяжело болѣютъ отъ этого. Не проходитъ и одного лѣта, чтобы какая-нибудь изъ нихъ, особо охочая до работы, не умерла въ цвѣтѣ лѣтъ въ страшныхъ мученіяхъ отъ неправильныхъ родовъ, происшедшихъ отъ непосильной работы.

А въ это время мы, какъ муравьи, возимся на постройкахъ: строимъ большіе дома и палаты, воздвигаемъ высокія церкви, тюрьмы, казармы и разныя зданія для желѣз-

ныхъ дорогъ, производимъ всюду всякіе ремонты и такимъ образомъ за лѣто зарабатываемъ около ста рублей.

Но не такъ тяжела работа, какъ скверна обстановка, въ которой приходится жить рабочимъ—особенно въ большихъ городахъ. Извѣстно, какія квартиры отдаются рабочимъ: то старые полуразваленные остатки дома, то темный и сырой подвалъ, ни на что болѣе не годный, какъ только для квартиры рабочимъ, но и въ нихъ рабочему мѣста достается немного.

Отъ постоянной темноты и отъ грязи размножается тамъ безчисленное множество клоповъ, блохъ и тому подобное; и въ темнотѣ вволю грызутъ они рабочаго и сосутъ его кровь, но рабочій не слышитъ и не замѣчаетъ ихъ: утомившись за день, онъ спитъ крѣпкимъ сномъ.

И только осенью, когда ночи станутъ длиннѣе и мысли о домашней бѣдности начинаютъ тревожить его все болѣе и болѣе, тогда только рабочій замѣчаетъ, какъ много этихъ кровопійцъ и какъ больно они кусаютъ...

Въ теченіе лѣта вдали отъ семьи нѣкоторые молодые женатые рабочіе, бывая въ праздникъ „подъ выпивкой“, не всегда живутъ такъ, какъ жили святые, а потому и... не всегда возвращаются на родину такими же здоровыми, какими ушли изъ дома. И разносится эта болѣзнь по всей Руси святой.

Но вотъ, наконецъ, подошла и проходитъ осень; давно ужъ листья облетѣли съ деревьевъ; все замораживается, и земля укрывается легкимъ снѣгомъ.

Слава Богу, оконченъ тяжелый, надоѣвшій трудъ. Теперь ужъ до самой весны не придется угождать ни инженерамъ, ни домовладѣльцамъ, ни десятникамъ. И мы опять собираемъ свои сумочки и отправляемся обратно, въ деревню.

Но тоска не покидаетъ насъ и по возвращеніи на родину. Вѣдь знаемъ мы, что нужды то тамъ много, а денегъ у насъ немного. Изъ заработанныхъ за лѣто болѣе половины уже отослано въ деревню семьѣ, а тамъ давно израсходованы; то хлѣба покупали до новины, то за землю заплатили аренду, то расплатились съ лавочникомъ и еще не хватило.

Вотъ только и есть одна радостная минута—это когда, возвращаясь съ заработковъ, поздно вечеромъ подойдешь, наконецъ, къ своему дому и постучишься въ окно или дверь, чтобы отворили.

Господи, какъ замретъ тогда сердце отъ радости!

Войдешь въ избу и всѣ рады: рада жена, что пришелъ мужъ живъ и здоровъ, рады отецъ и мать, но болѣе всѣхъ рады дѣти—имъ принесли гостинцевъ: калачей, кумачныхъ рубахъ, сарафановъ и какихъ-нибудь найденныхъ господскихъ игрушекъ.

И долго въ избѣ свѣтится огонекъ и идетъ любовная бесѣда: пришедшему разсказываютъ деревенскія новости, а пришедшій разсказываетъ свои похожденія.

Но на другой день нѣтъ и половины вчерашней радости. Староста услышалъ о приходѣ, и въ то время, когда прибывшій еще спитъ, онъ пришелъ за податями и съ книгой подъ рукой сидитъ за столомъ, ожидая полученія денегъ. Староста соблюдаетъ свой интересъ; онъ хорошо знаетъ, что черезъ нѣсколько дней немногіе оставшіеся отъ дороги рубли будутъ истрачены на другія нужды, и тогда безъ хлопотъ не получишь. А если онъ не получитъ, то его и самого земскій или исправникъ посадитъ въ холодную, и потому староста спѣшитъ получить подати, пока есть деньги.

Длинна показывается зима отъ того, что много нужды, а мало средствъ, и съ нетерпѣніемъ мы ждемъ новой весны, чтобы поскорѣй итти опять на заработки и какъ-нибудь изворотиться съ нашей безконечной нуждой.

Въ былое время на отхожіе заработки иными изъ насъ возлагались большія надежды. Съ помощью ихъ надѣялись прикупить земельки, улучшить хозяйство и, можетъ быть, избавиться навсегда отъ этихъ заработковъ. Но время этихъ надеждъ давно прошло, и теперь мы видимъ, что сколько ни ходи, сколько ни носи воду рѣшетомъ, какъ ни изворачивайся, а отъ крайней нужды и отъ постояннаго „недорода“ не избавишься.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Что такое теперь наши полукрестьянскія хозяйства?

Благодаря многимъ и очень разнымъ причинамъ наши хозяйства зашли въ такой замкнутый кругъ, что даже на тѣхъ жалкихъ полоскахъ, какими мы пользуемся, урожаи становятся все хуже и хуже.

Три года тому назадъ было дождливое лѣто, и рожь уродилась на половину съ сорной травой. Эту засоренную рожь, за неимѣніемъ лучшей, посѣяли вновь. И на слѣдующій годъ при благопріятномъ лѣтѣ пожали очень высокую сорную траву и между нею очень тощую рожь. А прошлой осенью та же тощая рожь съ соромъ посѣяна опять...

А просо?—Видимо оно хочетъ поравняться величиной съ зерномъ маковымъ, а вкусомъ съ полынью.

Нужно ли говорить, что то, что происходитъ съ рожью и просомъ—давно ужъ происходитъ и со всѣмъ крестьянскимъ хозяйствомъ: съ лошадьми, коровами, свиньями, овцами и, какъ извѣстно, съ самими крестьянами. И если сами крестьяне кормятся плохо и иногда голодаютъ, то тѣмъ болѣе голодаютъ его помощники-лошади, коровы и проч., голодать которымъ приходится не рѣдко и не часто, а постоянно — изъ года въ годъ, изъ одного поколѣнія въ другое.

Нѣтъ, ужъ довольно жить такой мучительной и хуже чѣмъ дурацкой жизнью. Лучше жить хоть въ Сибири, да всегда съ семьей, не мучить женщинъ непосильной имъ работой и не морить животныхъ постояннымъ голодомъ. Должно быть здѣсь не дождаться намъ ничего такого, что могло бы измѣнить нашу жизнь къ лучшему и избавить насъ отъ „помощи голодающимъ“. Мы видимъ, что вмѣсто облегченія налоговъ, вмѣсто увеличенія крестьянскаго землепользованія, вмѣсто огромной помощи матеріальной и просвѣтительной, въ какой крестьяне нуждаются не со вчерашняго дня, вмѣсто этого для блага крестьянъ издается извѣстный „Сельскій Вѣстникъ“, въ которомъ добрые люди попрежнему съ усердіемъ даютъ массу совѣтовъ, какъ крестьянамъ сдѣлаться не только зажиточными, но и богатыми.

Но кому же неизвѣстно, что масса этихъ совѣтовъ имѣетъ ту же основательную мудрость, какую имѣлъ одинъ мужичекъ, который хотѣлъ убить зайца и разбогатѣть. Извѣстно, что заяцъ убѣжалъ отъ возликовавшаго преждевременно мужичка, и мужичекъ остался бѣднымъ, какъ и былъ. Но вѣдь если бы и не убѣжалъ заяцъ, результатъ у этого мужичка, вѣроятно, былъ бы тотъ же.

Нѣтъ, непремѣнно нужно измѣнить наше положеніе, нашу жизнь, пока, можетъ быть, еще есть время, и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше.

Того же числа ночью я сѣлъ въ переселенческій поѣздъ и отправился въ дальнюю Сибирь.

II.

Отъ Калуги до Омска.

Утромъ мы въ Тульской губерніи.

Эта сосѣдняя намъ губернія кое-въ-чемъ весьма похожа на нашу: такія же полуремесленныя, полукрестьянскія деревушки, такія же узенькія полоски въ полѣ, и такъ же, какъ у насъ, виднѣются старыя барскія усадьбы съ ободранными домами и засыхающими парками. Вѣроятно, въ Тульской губерніи среди помѣщиковъ только графъ Бобринскій поживаетъ припѣваючи: у него и земли много, и сахарные заводы, а теперь онъ и въ Государственной Думѣ...

Поѣздъ нашъ хотя и не торопясь, но катитъ все дальше и дальше. Вотъ проѣхали Рязанскую губернію, а за нею Тамбовскую, которая жел. дорогой пересѣкается почти пополамъ. Здѣсь, вблизи жел. дороги деревень виднѣется мало, но за то много хорошихъ помѣщичьихъ экономій. Широко раскинулись эти дѣйствительно прекрасныя поля: ровное мѣсто, богатый черноземъ и всходы, лучше которыхъ не бываетъ. Не видно ни овраговъ, ни песковъ, ни болотъ. Вѣроятно, здѣсь то и живутъ „образцовые“ помѣщики.

Проѣхали Пензенскую губернію, прокатили немного по Саратовской и Симбирской и возлѣ Самары переѣхали „матушку“ Волгу. Вотъ и обширная Уфимская губернія.

Какъ говорятъ, Уфимская губ. частью очень хороша и для земледѣльцевъ, и для скотоводства, и мѣстами покрыта хорошимъ лѣсомъ. Но въ той ея части, гдѣ мы проѣзжали, она имѣетъ самый печальный видъ: ни лѣсовъ, ни полей хорошихъ не видно, а тянутся безъ конца высокіе холмы съ слабымъ черноземомъ, неудобные для распашки. Сквозь слабый черноземъ часто проглядываетъ подпочвенная красноватая глина, придавая мѣстности особо унылый и пустынный видъ. Здѣсь живутъ исключительно одни татары. Часто виднѣются ихъ деревушки, если большія, то съ мечетями, а если маленькія—безъ нихъ. Крохотныя избушки татарскія еще тѣснѣе и хуже, чѣмъ русскія; онѣ большей частью безъ крышъ или съ плохими кое-какъ сдѣланными крышами. А дворики еще хуже избушекъ. Кажется, что эти дворики, балуясь, понастроили дѣти, вѣтеръ на половину расшвырялъ ихъ, а остальное еще кое-какъ держится. Да и кому помѣщаться въ нихъ: скота у татаръ видимо мало; изрѣдка по холмамъ пасутся небольшія стада овецъ или коровъ, но еще болѣе тощихъ, чѣмъ у насъ; лошади, настоящія клячи, бродятъ въ одиночку. Пасутъ стада большей частью старики съ небольшими подростками; одѣты они въ такіе лохмотья, какихъ не увидишь у насъ ни на одномъ нищемъ, развѣ только на сумасшедшемъ.

Вотъ не торопясь „перевалилъ“ и за Уралъ нашъ переселенческій поѣздъ, и мы благополучно покатили по равнинамъ Сибири.

Такъ вотъ она раньше страшная, а теперь желанная Сибирь!

Мы увидѣли прекрасныя и своеобразныя мѣста, какихъ еще нигдѣ не видѣли. Здѣсь нѣтъ еще дремучихъ лѣсовъ и широкихъ полей, но всюду зеленѣютъ небольшія березовыя рощицы (колки), а между ними такія же небольшія поляны съ пашнями и сѣнокосами. Рощицы и поляны чередуются одна за другой на сотни верстъ во

всѣ стороны. Лѣтомъ рощицы сохраняютъ влагу и служатъ посѣвамъ хорошей защитой отъ сильныхъ сибирскихъ вѣтровъ. Земля здѣсь, дѣйствительно, „ривна, якъ столъ и черна, якъ макъ“.

Здѣсь впервые мы увидѣли почти сплошь зажиточныхъ крестьянъ, пашущихъ плугами, въ которые впряжены по парѣ, по тройкѣ и по двѣ пары сытыхъ лошадей. Точно также здѣсь впервые мы увидѣли крестьянскія поля не разрѣзанныя, какъ у насъ, на мелкія полоски, по которымъ борона не проходитъ не задѣвая чужого „поля“, а размѣченныя десятинами, какъ у благоустроенныхъ г. г. помѣщиковъ. По жнивью, а особенно по покосамъ, часто виднѣлись слѣды, оставляемые машинами: жнейками и сѣнокосилками.

И вблизи, и вдали отъ желѣзной дороги виднѣются сибирскія села. Здѣсь, по линіи жел. дороги, это все старыя большія селенія и почти въ каждомъ изъ нихъ бѣлѣетъ церковь. Постройки все деревянныя, рубленныя, и много чистенькихъ домиковъ подъ желѣзными крышами. Почти всѣ дома пятистѣнки съ придѣланными сбоку сѣнями; въ домѣ всегда есть чистая комната. Постройки однако скучены, одна близко къ другой, хотя простору тутъ много. Объясняется это тѣмъ, что въ этой мѣстности у сибирковъ почти нѣтъ огородовъ, и потому имъ нѣтъ надобности занимать большія усадьбы. Маленькіе огородики расположены у нихъ гдѣ-нибудь возлѣ селенія, отдѣльно отъ усадьбъ. Вокругъ селенія огромное пространство, на 5, на 10 и болѣе верстъ во всѣ стороны, занимаетъ выгонъ для скота, такъ-какъ скота у сибиряковъ много и отъ него у нихъ самый вѣрный доходъ. Изъ Сибири въ Россію и заграницу вывозится коровьяго масла болѣе 2-хъ милліоновъ пудовъ въ годъ. (Въ нынѣшнемъ году съ 1-го янв. и по 1 окт. 2,958,378 пуд. Такъ сообщалось въ „Сел. Вѣст.“). Слѣдовательно сибиряки за одно масло, которое вывозится изъ предѣловъ Сибири, выручаютъ отъ 20 до 30 милліоновъ рублей, а сколько его еще раскупаютъ въ мѣстныхъ городахъ.

Мы встрѣчали чуть ли не цѣлые поѣзда бѣлыхъ ва-

гоновъ ледниковъ, въ которыхъ перевозится коровье масло. Именно это масло теперь и поддерживаетъ благосостояніе большинства сибиряковъ; для земледѣлія же благопріятныхъ мѣстъ въ Сибири не очень много сравнительно, конечно, съ ея общей площадью.

Всѣ ходоки рады были, видя, что въ Сибири жить можно отлично, и, вѣроятно, многіе предполагали устроить здѣсь и себя такимъ же образомъ и своихъ ближнихъ.

Оказывалось, что до Омска и далеко за Омскомъ участковъ для переселенія вблизи жел. дороги нѣтъ, да и раньше было немного, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ давнымъ-давно живутъ сибирскіе казаки и старожилы. Были участки верстъ за 200 за 400 отъ желѣзной дороги или влѣво, къ сѣверу, гдѣ начинаются большія болота, гдѣ хлѣбъ рѣдко созрѣваетъ и портится ранними и поздними заморозками, или на такомъ же и далѣе разстояніи вправо, среди киргизскихъ степей, гдѣ преобладаютъ солончаки и хлѣбъ часто погибаетъ отъ засухи. Дальше этихъ участковъ никакихъ земледѣльческихъ селеній нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ на сѣверѣ пойдутъ сплошныя тундры, а на югѣ безводныя, песчаныя и солончаковыя пустыни.

Однако, къ 15 мая всѣ участки на той и другой сторонѣ были ходоками разобраны, о чемъ и объявлялось намъ еще въ Челябинскѣ. Ходокамъ предлагали ѣхать или въ Уссурійскій край или въ Амурскую область, тамъ обѣщали удовлетворить землею всѣхъ.

Многіе отправлялись туда, но многіе возвращались въ Россію, вспоминая нехорошими словами земскихъ начальниковъ за то, что они рекомендовали ѣхать въ Сибирь.

Но болѣе мрачны были тѣ, которые возвращались съ участковъ, перетащивши на нихъ семью и поживши тамъ по году и болѣе и менѣе; ходоки только поистратились, а эти совсѣмъ поразорились. Угрюмо смотрѣли они изъ обратныхъ вагоновъ на ѣдущихъ впередъ, зная, что болѣе половины ихъ черезъ нѣкоторое время также поѣдутъ обратно и также будутъ мрачны и разорены, безъ дѣтей и безъ имущества. Не даромъ и въ переселенческихъ

книжкахъ говорится, что переселеніе въ Сибирь въ виду многихъ причинъ есть не только рискованное, но и опасное дѣло.

А впередъ ѣхало очень много. Желѣзнодорожные служащіе говорили, что даже во время прошлой войны столько солдатъ не провозилось, сколько провозили теперь ходоковъ и переселенцевъ. Поѣзда были длиннѣйшіе, отъ 40 до 50 товарныхъ вагоновъ, и людьми были набиты полно. Я рѣшилъ остаться пока въ Сибири, предполагая, если не найдется земли, то посмотрѣть хотя, какъ устраиваются новоселы и какъ живутъ устроившіеся.

Поживъ дня три въ Омскѣ, я отправился вверхъ по Иртышу въ городъ Семипалатинскъ.

III.

Изъ Омска въ Семипалатинскъ.

Не безъ труда удалось мнѣ взять билетъ и умѣститься на пароходѣ.

Это былъ почти новый большой и красивый пароходъ „И. Соколовскій“. Но тѣснота на немъ была такая, какой мнѣ еще не приходилось видѣть. Между Омскомъ и Семипалатинскомъ пароходы отходятъ не каждый день, навигація еще недавно была открыта и, можетъ быть, этимъ объясняется чрезвычайное скопленіе людей и грузовъ.

Ходоковъ и переселенцевъ съ дѣтьми на пристани еще съ утра было множество, и нѣкоторые изъ нихъ вереницей стояли возлѣ кассы, ожидая полученія билетовъ. Цѣна билета отъ Омска до Семипалатинска 3-го класса около 7 рублей; но переселенцы пользуются удешевленнымъ тарифомъ, и съ нихъ берутъ на 2 рубля дешевле; за то они считаются ѣдущими 4-мъ классомъ. Пока же имъ и билетовъ не давали и на пароходъ ихъ не пускали. Въ 4 часа пополудни имъ начали выдавать билеты, но на пароходъ разрѣшили идти только съ 6 час. вечера, когда окончили всю нагрузку и размѣстились всѣ классные пассажиры.

Нагрузка началась съ утра и продолжалась до 6 час. вечера. Трюмъ натаскали дополна, стали класть всюду, гдѣ можно положить, оставляя свободными лишь узкіе проходы. Даже на верхней палубѣ, противъ перваго и второго классовъ груза наложили столько, что потомъ опасались, какъ бы что не свалилось въ воду.

Въ заднюю часть парохода поставили 10 лошадей проѣзжающаго въ Семипалатинскъ цирка. Еще дальше, на носу парохода въ ящикахъ лежали породистыя свиньи, которыхъ везли въ имѣніе богатаго помѣщика, бывшаго, какъ это всегда здѣсь водится, мѣстнаго чиновника. Середину парохода заложили дровами для отопленія котловъ; а въ первой части, гдѣ были поставлены скамьи, размѣстились пассажиры 3 класса. Казалось, что всюду было полно и помѣщаться людямъ болѣе нѣтъ мѣста.

Тогда только разрѣшили итти на пароходъ ходокамъ и переселенцамъ.

Цѣлая волна хлынула ихъ и сразу заполнила всѣ проходы, но гдѣ же было помѣститься? А ихъ было не менѣе трехсотъ человѣкъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Нѣкоторые полѣзли на дрова; другіе, болѣе удачливые, начали устраиваться на мѣшкахъ и ящикахъ груза; остальные клали свои мѣшки съ пожитками, гдѣ стояли, и садились на нихъ. Кое какъ размѣстили и дѣтей: иныхъ усаживали на самыя высокія клади груза, подъ потолокъ, гдѣ взрослый не могъ уже помѣститься, другихъ брали къ себѣ на колѣни, остальныя стояли возлѣ взрослыхъ. Каково было стоять или сидѣть въ этихъ проходахъ, если почти безпрерывно по ихъ ногамъ пробирались куда-нибудь пассажиры: вѣдь каждому нужно было сходить то за кипяткомъ, то въ клозетъ, или на палубу. На палубѣ были устроены каюты и общія залы 1-го и 2-го классовъ и, слѣдовательно, свободнаго мѣста было немного, да и оно, какъ уже сказано, было заложено грузомъ; но и здѣсь, гдѣ можно было, между грузомъ прижались переселенцы.

Пароходъ отправился въ 8 час. вечера.

Настала ночь, и бывшіе на палубѣ ходоки ясно поняли, что они дѣйствительно въ Сибири. Были послѣднія

числа мая, и день былъ очень жаркій; но какъ только скрылось солнце и стало темнѣть, быстро наступалъ холодъ. Я тоже помѣстился на палубѣ и съ вечера, когда не очень еще было холодно, заснулъ. Но въ 11 часовъ ночи проснулся и принужденъ былъ бѣжать съ палубы, такъ какъ холодъ пронизывалъ насквозь. Сосѣди мои, пожилые ходоки малороссы, лежали, укутавшись съ головой во все, что только было и отъ холода покряхтывали.

Вечеромъ я видѣлъ, какъ на другой сторонѣ палубы нѣсколько неумѣстившихся внизу женщинъ укладывали спать своихъ дѣтей также подъ открытымъ небомъ.

Какъ они провели тамъ ночь?—Богъ ихъ знаетъ!

Я спустился съ палубы внизъ, чтобы гдѣ-нибудь тамъ обогрѣться.

Боже, какую я увидѣлъ картину!

Всюду сплошной массой лежали люди обоихъ половъ, всякихъ возрастовъ, во всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ положеніяхъ; нѣкоторые, согнувшись въ три дуги, лежали на ящикахъ и мѣшкахъ груза, и часто ноги, руки или головы ихъ свѣшивались внизъ, не выдержавъ согнутаго положенія; иные, прислонясь къ тѣмъ же мѣшкамъ и ящикамъ, дремали сидя.

Дѣти сложены были рядками, самымъ экономнымъ образомъ, чтобы на небольшомъ мѣстѣ уложить ихъ какъ можно больше. Бѣдняжки, намаявшись за день, и въ тѣснотѣ крѣпко спали, раскраснѣвшись и нѣкоторые открывъ ротики. Между тѣмъ трудно даже представить болѣе неудобное мѣсто, чѣмъ было это: здѣсь изъ паровичной, отъ машинъ, изъ кухни несло удушливымъ жаромъ со всевозможными газами; съ боковъ отъ колесъ и отъ клозетовъ дулъ пронизывающій холодъ.

Бѣдныя дѣти! Куда, зачѣмъ и почему везутъ ихъ въ такую дальнюю и непривѣтливую сторону?—Они не знаютъ. Извѣстно, какъ много ихъ умираетъ, пока отцы устроятся или не устроятся на новыхъ мѣстахъ. Нерѣдко умираютъ они и въ дорогѣ. Я видѣлъ въ Омскѣ на вокзалѣ женщину съ умирающей дѣвочкой. Онѣ лежали въ уголкѣ на полу недалеко отъ входной двери. Дѣвочка

лѣтъ пяти, какъ видно, уже испускала послѣднее дыханіе. Смертная блѣдность покрыла ея худенькое измученное личико, глаза остановились, ротикъ полуоткрылся. Отмучилась бѣдная дѣвочка. Ея мать была также измучена до послѣдней степени и, казалось, была равнодушна и къ смерти своей дѣвочки, и ко всему, что есть и что будетъ впереди; видимо безъ средствъ среди дороги трудно было ожидать чего-нибудь хорошаго.

Отъ Омска до Семипалатинска пароходъ идетъ 6 дней. По почтовому тракту разстояніе между этими городами 727 верстъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки здѣсь разстилаются необозримыя степи и частью луга. По рѣкѣ и по заливамъ плаваетъ безчисленное множество дикихъ утокъ; онѣ, пугаемыя пароходомъ, то и дѣло тяжело поднимаются, проносятся мимо насъ вдоль и поперекъ рѣки и опять садятся гдѣ-нибудь поблизости.

Вся побережная полоса земли по обѣимъ сторонамъ Иртыша шириною въ 10 и болѣе верстъ каждая принадлежитъ сибирскому казачьему войску. Она дѣлится на казачьи (поселковые и станичные), на офицерскіе и запасные участки. Запасные участки отдаются желающимъ въ аренду; но отдаются большими площадями въ 1000—5000 и болѣе десятинъ и потому крестьяне могутъ ее арендовать только изъ вторыхъ рукъ и, понятно, по болѣе высокой платѣ. Въ настоящее время на этихъ участкахъ все болѣе и болѣе укореняются нѣмцы тоже арендующіе ее и тоже пріѣхавшіе сюда преимущественно съ юга Россіи. Офицерскія же земли пріобрѣтаются нѣмцами даже въ полную собственность, хотя и нѣтъ права продавать такія земли.

Бросается въ глаза, что станицы и поселки расположены на песчаныхъ возвышенныхъ мѣстахъ. Благодаря этому въ нихъ не увидишь ни кустика, ни деревца за самыми рѣдкими исключеніями. Отъ этого всѣ они имѣютъ сѣрый, унылый, однообразный видъ.

Всѣ казачьи селенія расположены на правомъ берегу Иртыша и отстоятъ одно отъ другого на 10, на 20 и на

30 верстъ. По своему благоустройству они сильно отличаются отъ тѣхъ сибирскихъ старожильческихъ селъ, какія мы видѣли, проѣзжая по жел. дорогѣ. Тамъ плохія постройки по отношенію къ хорошимъ составляли приблизительно третью часть, а здѣсь, наоборотъ, хорошія постройки по отношенію къ плохимъ составляли третью часть.

Трудно было понять, почему среди такого изобилія луговъ и земли и возлѣ судоходной рѣки такая бѣдность?

Однажды возлѣ большой станицы на пароходъ стали грузить дрова. Воспользовавшись этимъ, я пошелъ по обыкновенію бродить по станицѣ. Это была лучшая станица; здѣсь возвышалась большая церковь, и въ одномъ мѣстѣ выдѣлялся красивый двухъ-этажный деревянный домъ, украшенный по карнизамъ и по окнамъ раскрашенными вырѣзками.

Но большинство построекъ такъ же, какъ и въ другихъ станицахъ, поражало не только бѣдностью, но и, главное, своею дряхлостью и разрушенностью. Нѣкоторые дома по самыя окна осѣли на землю, покривились, и, казалось, что какой-нибудь изъ нихъ скоро-скоро завалится окончательно.

Изъ одного такого дома вышла старушка съ ведрами на коромыслѣ, направляясь къ рѣкѣ.

— Бабушка,—спросилъ я,—отчего вы среди такого раздолья живете не богато: дома у васъ валятся, крыши худыя?

— Да, батюшка, валятся, какъ имъ не валиться, справлять-то не кому.

— Аль хозяина нѣтъ?

— Нѣту, батюшка, на войнѣ убитъ хозяинъ-то, сынокъ мой.

— Ну, а у другихъ,—указалъ я на сосѣднія завалюшки,—тоже развѣ убиты?

— Да, и убитые есть; а знаешь, у насъ подрядъ всѣхъ брали на войну, да по два, да по три года тамъ держали; да кто-то вернулся оттуда, а кто и не вернулся. Да и всегда, мы вѣдь казаки, какъ подрастетъ парень

то, такъ и на службу, да все служба и служба; такъ кто будетъ дома то справлять? Когда работать то? Вотъ и все валится. Нѣтъ, батюшка, казачье то житье не такое, какъ ваше,—закончила старуха и отправилась по воду.

Вѣроятно старушка говорила правду.

На седьмой день рано утромъ мы пріѣхали въ Семипалатинскъ.

Въ Киргизскій край къ Китайской границѣ.

Изъ Семипалатинска переселенцы разъѣхались въ разныя стороны. Одни отправлялись на лѣвую сторону Иртыша, гдѣ за 100—200 верстъ отъ Семипалатинска были давніе, но незаполненные участки. Другіе сошли съ парохода еще не доѣзжая до Семипалатинска въ гор. Павлодарѣ, направляясь въ Павлодарскій и отчасти въ Каркаралинскій уѣзды [1]). Нѣкоторые ѣхали въ южную часть Томской губерніи: въ Змѣиногорскій, Бійскій и Барнаульскій уѣзды, приписываясь въ старожильскія села на кабинетскія земли. А кабинетскія земли отъ Семипалатинска близко: всего въ 5 верстахъ отъ города по волнистымъ пескамъ протянулся кабинетскій сосновый боръ. За боромъ находится кабинетская Бельачачская степь, арендуемая участками крестьянами и киргизами. За ними опять пойдутъ кабинетскіе лѣса, кабинетскія степи, старожильческія селенія и такъ далѣе.

Потолкавшись недѣлю въ Семипалатинскѣ, я узналъ слѣдующее: что ни на кабинетскихъ земляхъ, ни въ другихъ мѣстахъ этого района новыхъ участковъ нѣтъ и негдѣ селиться хоть и небольшимъ, но цѣлымъ обществомъ изъ крестьянъ одной мѣстности. Скорѣе можно найти еще

---

[1]) Каркаралинскій уѣздъ представляетъ изъ себя или черныя каменныя горы или сухія, то каменистыя, то солончаковыя степи; на югѣ онъ сливается съ извѣстной Голодной степью, и въ смыслѣ переселенія туда безнадеженъ, какъ покойникъ на выздоровленіе. Большая половина Павлодарскаго уѣзда тоже весьма похожа на Каркаралинскій.

неполный поселокъ, къ которому можно приписаться, но отдѣльными семьями. Кромѣ того въ здѣшнихъ мѣстахъ труднѣе всего устроиться именно на новомъ участкѣ, такъ какъ иные изъ нихъ оказывались совсѣмъ непригодными для земледѣлія вслѣдствіе сухости или солонцеватости почвы. Такіе участки по выясненіи забрасывались, но селившіеся на нихъ крестьяне попадали въ большую бѣду.

Изъ Семипалатинска я отправился также вверхъ по Иртышу въ Зайсанскій уѣздъ, самый отдаленный въ этой области; на югѣ онъ граничитъ съ Семирѣченской областью, а на юго-востокѣ съ Китайской имперіей. Именно на границѣ Китая былъ тамъ одинъ свободный участокъ на урочищѣ „Кызылъ-ёнке“, который по своему размѣру казался мнѣ подходящимъ. Отъ Семипалатинска до Зайсана по почтовому тракту около 600 верстъ, но водою этотъ путь длиннѣе.

Опять плывемъ на пароходѣ, но почти на пустомъ, и передъ нами мѣста хуже тѣхъ, какія мы видѣли отъ Омска до Семипалатинска. Здѣсь часто виднѣлись съ одной стороны высокіе песчанные холмы, а съ другой какіе-то странные каменные гребни; здѣсь много киргизскихъ зимовокъ, построенныхъ часто на самомъ берегу Иртыша [1]).

Часто приходилось тутъ видѣть такое зрѣлище: какъ только пароходъ дастъ свистокъ, киргизскія лошади взвиваются на дыбы и далеко мчатся куда-нибудь въ сторону. Но боятся свистка также и киргизскія голыя и полуголыя дѣти: они тоже бѣгутъ въ юрты, зажимая уши и отчаянно плача [2]).

Но приблизительно въ 100 верстахъ отъ Семипалатинска по обѣимъ сторонамъ Иртыша начинаются высокія сѣрыя и черныя каменныя горы, на вершинахъ которыхъ, хотя и изрѣдка, но еще бѣлѣетъ снѣгъ. Около 400 верстъ течетъ Иртышъ среди этихъ горъ и иногда тѣсно сжимается то отвѣсными, то нависшими скалами. Здѣсь очень быстрое и бурливое теченіе, и пароходъ нашъ едва-едва подвигается.

---

[1]) Зимовка—зимнее жилище киргизовъ, сдѣланное въ описываемыхъ мѣстахъ изъ земляного кирпича или просто изъ дерна.

[2]) Юрта—переносная войлочная палатка—лѣтнее жилище ихъ.

Станицы здѣсь еще рѣже, чѣмъ до Семипалатинска; расположены онѣ или возлѣ Иртыша подъ горами, или гдѣ-нибудь въ горныхъ долинахъ. Пашни и покосы ихъ разбросаны также по горнымъ долинамъ часто на далекомъ разстояніи, на 20 и болѣе верстъ отъ станицы. Возлѣ горъ, но на ровной площади расположенъ и городъ Усть-Каменогорскъ.

Въ этихъ горахъ не мало есть и золотыхъ пріисковъ, но, говорятъ, большая часть ихъ небогата содержаніемъ золота и потому разработка ихъ не всегда выгодна. На пріискахъ работаютъ большей частью киргизы, какъ болѣе дешевые рабочіе; они получаютъ тамъ 40—50 коп. въ день. Я читалъ гдѣ-то, что въ Семипалатинской области, т.-е. въ этихъ самыхъ горахъ золота добывается отъ 20 до 30 пудовъ въ годъ, приблизительно на 300—500 тысячъ рублей. Въ переселенческой книжкѣ 1907 года говорится: „Восточная часть Семипалатинской области—Усть-Каменогорскій и Зайсанскій уѣзды—имѣетъ горный характеръ за исключеніемъ широкой равнины, окружающей озеро Зайсанъ и тянущейся вдоль Иртыша до самой Китайской границы“. Сама же равнина въ той же книжкѣ описывается такъ: „равнина эта мѣстами представляетъ весьма безотрадную картину, такъ какъ на ней преобладаютъ песчаныя почвы, а также встрѣчаются и солонцы“. Участокъ „Кызылъ-енке“ расположенъ въ концѣ именно этой равнины, но кромѣ того тамъ недавно былъ свободнымъ другой участокъ „Ардынскій“, который только съ осени прошлаго года заняли наши земляки изъ Жизэринскаго уѣзда, и мнѣ особенно хотѣлось посмотрѣть, какъ они тамъ устраиваются.

Около трехъ сутокъ плыли мы среди горъ и, наконецъ, доплыли до такого мѣста, гдѣ горы разошлись въ разныя стороны и гдѣ, такимъ образомъ, начинается вышеупомянутая Зайсанская равнина. Отсюда до Зайсанскаго озера еще около 40 верстъ. Берега Иртыша здѣсь сильно заросли камышомъ, а за камышомъ раскинулись сыпучіе пески. Это совершенно безлюдное мѣсто. Разсказываютъ, что въ этихъ камышахъ водится не мало дикихъ каба-

новъ, и въ зимнее время на нихъ охотятся зайсанскіе казаки и крестьяне. Зайсанское озеро имѣетъ до 80 верстъ длины и отъ 20 до 30 верстъ ширины. Изъ этого озера и вытекаетъ знаменитый Иртышъ, и въ него же съ другой стороны впадаетъ менѣе знаменитый Черный Иртышъ, который беретъ свое начало гдѣ-то среди песковъ Китайской имперіи. Берега озера въ однихъ мѣстахъ также заросшіе камышомъ, въ другихъ усыпаны мелкой галькой и безъ всякой растительности.

Пароходъ остановился въ концѣ озера въ „Тополевомъ“ мысу; отсюда до гор. Зайсана 80 верстъ колесной дорогой по равнинѣ. Вблизи горъ поверхность этой равнины сильно напоминаетъ запущенное шоссе: такъ тверда почва, такъ лишена она растительности и такъ усыпана мелкими камешками. Изрѣдка торчитъ сѣрый колючій кустарникъ—чингиль, нисколько, конечно, не оживляющій мѣстности. Верстъ за пять до города мы цѣлую версту тащились по крупному булыжнику, которымъ на далекое пространство была усыпана поверхность земли. Это работа рѣчки Ундине. Лѣтомъ она по выходѣ изъ горнаго ущелья скрывается въ землю и тамъ течетъ невидимо, но весной она имѣетъ другой видъ: бурными потоками раскидывается она во всѣ стороны, сноситъ землю и вмѣсто нея натаскиваетъ разной величины булыжниковъ.

Интересна подпочва, находящаяся подъ городомъ Зайсаномъ, и, вѣроятно, такая же она и въ его окрестностяхъ. Какъ разъ въ это время по городу въ казармы проводили водопроводъ, для чего черезъ весь городъ была выкопана канава глубиною $3^1/_2$ арш. Верхній слой земли тамъ не толще поларшина, а затѣмъ залегаютъ одни булыжники.

Но городъ весь въ зелени: около домовъ растутъ раки, береза, рябина и другія деревья кромѣ фруктовыхъ, а въ палисадникахъ, подъ сѣнью деревьевъ нерѣдко пестрятъ и цвѣты. Все это растетъ благодаря искусственному орошенію:—уничтожь его и вся растительность самое большее черезъ мѣсяцъ на вѣки засохнетъ. По всѣмъ улицамъ вдоль и поперекъ здѣсь проведены арыки; въ

нихъ всегда журчитъ вода, которая, просачиваясь въ землю, питаетъ цвѣты и деревья [1]). Вода въ арыки берется изъ рѣчки Джемени, которая значительно многоводнѣй Ундине и тоже бѣжитъ съ горъ, у подножія которыхъ расположенъ гор. Зайсанъ. Изъ Джемени проведена вода и на пашни, находящіяся вокругъ Зайсана и принадлежащія въ значительной части ему же. Всѣ принадлежащія гор. Зайсану пашни отдаются въ аренду посредствомъ торговъ; ихъ берутъ городскіе мѣщане, пріѣхавшіе сюда крестьяне и безземельные киргизы. Арендная цѣна давно вышла изъ копеекъ и теперь была 5—7 руб. за десятину въ годъ. Безъ орошенія (полива) въ Зайсанской равнинѣ земледѣліе немыслимо. И вообще въ этой мѣстности вся вода изъ ручьевъ и рѣчекъ безъ остатка расходится по арыкамъ на пашни, которыя въ теченіе лѣта поочередно, посредствомъ запрудъ арыковъ, 3 и 4 раза заливаются водою. Урожаи при поливѣ получаются всегда вѣрные, и 100 пуд. съ десятины считается среднимъ урожаемъ.

Цѣна пшеницы была 50—70 коп., овса—50—60 к., проса 40—50 к. за пудъ. Весь хлѣбъ расходится на мѣстѣ: солдатамъ, киргизамъ, начальству и т. д. Въ 1902 и 1903 годахъ прилетала саранча и уничтожила посѣвы; тогда цѣна пшеницы доходила до 2 р. 50 коп. за пудъ.

Зайсанскій уѣздъ занимаетъ площадь въ 5 милліоновъ десятинъ, т. е. болѣе, чѣмъ Калужская и Тульская губ. вмѣстѣ. Но русскаго населенія здѣсь не болѣе, чѣмъ въ одной волости этихъ губерній: всего 7—8 поселковъ и два города: Зайсанъ—уѣздный и Кокпекты—заштатный и двѣ слитыя съ городами станицы. Поселки основаны очень недавно и нѣкоторые изъ нихъ полностью еще не заселены; города образовались изъ станицъ и тоже сравнительно недавно. Киргизскаго населенія въ уѣздѣ считается около 100,000 душъ.

Въ настоящее время переселенческое начальство, исполняя приказаніе свыше, старается всѣми силами найти

---

[1]) Арыкъ—особаго устройства канава, по которой вода изъ рѣчки проводится на пашню, въ сады и т. д.

мѣсто еще для 2—3 поселковъ. но это пока не удается. Для переселенческихъ участковъ отрѣзаются земли, признаваемыя для киргизовъ излишними. -„Излишни“ ли на самомъ дѣлѣ эти земли киргизамъ или нѣтъ—вопросъ видимо очень спорный. Въ любомъ мѣстѣ послѣ отрѣзки земли и населенія поселка киргизы не только нанимаются къ крестьянамъ въ работники, но и арендуютъ у нихъ кусочки посѣвной земли, бывшей прежде въ ихъ пользованіи. Поэтому первые годы по заселеніи поселка между новоселами и киргизами неизбѣжно происходитъ вражда, а иногда и кровавыя столкновенія.

Почему же среди 5 милліоновъ десят. не могутъ найти 2—3 тысячи десятинъ хорошей замли, нужной для новыхъ поселковъ? Кто не видѣлъ эту мѣстность, тому вопросъ этотъ покажется загадкой. Но отвѣтъ не очень труденъ: изъ 5 мил. десят. $3^1/_2$ милліона десят. каменныхъ горъ (частью совершенно голыхъ, частью заросшихъ дикимъ кустарникомъ и только по лощинамъ имѣющихъ сносную травяную растительность), а $1^1/_2$ мил. десят. занимаетъ Зайсанская равнина, представляющая, какъ уже говорилось, даже для переселенческаго чиновника „весьма безотрадную картину“. Равнина эта давно изслѣдована вдоль и поперекъ и давно извѣстно, что песокъ, солонцы и голыя каменистыя мѣста занимаютъ въ ней такія площади, которыя пѣшему не перейти и за день, а въ иныхъ направленіяхъ не переѣхать за день и конному. Только отдѣльными оазисами возлѣ ручьевъ и рѣчекъ попадаются по равнинѣ мѣста съ хорошими сѣнокосами и пашнями съ устроеннымъ орошеніемъ. Земледѣліе существуетъ здѣсь съ давнихъ поръ. Прждe имъ занимались какіе-то джунгары, которые устроили искусственное орошеніе. Этихъ джунгаровъ 150 лѣтъ тому назадъ отсюда вытѣснили киргизы, которые въ свою очередь были тѣснимы съ сѣвера русскими.

Но и всѣ пески, солонцы, каменныя горы и каменистыя сухія земли—совсѣмъ не свободныя мѣста, какъ вообще о нихъ принято думать въ Россіи. Наоборотъ, всѣ они разграничены и находятся въ пользованіи множества киргизскихъ волостей, ауловъ и старшинствъ, какъ пастбища ихъ

стадъ—зимнія, весеннія, лѣтнія и осеннія. И вся какая бы то ни была растительность—на солонцахъ, по пескамъ по горамъ—вся она поѣдается привычнымъ къ ней киргизскимъ скотомъ.

Видя эти мѣста, странно слышать, что у киргизовъ де по 400 десят. на хозяйство, и что хорошо бы сдѣлать киргизовъ земледѣльцами, и тогда бы на 400 десятинахъ жили 40 хозяевъ. Къ сожалѣнію природа киргизскаго края въ общей своей сложности не представляетъ возможнымъ 40 хозяевамъ (или 10) жить на 400 десятинахъ, такъ какъ на многихъ 400 десятинахъ находится корма не болѣе, чѣмъ на одной хорошей десятинѣ. И видимо сама природа киргизскаго края заставляетъ киргизовъ быть въ большинствѣ кочевниками или бѣдствующими земледѣльцами, использовать всѣ огромныя пустыни или пользоваться 3—5 десятинами, а пустыни оставить пустынями. Вѣдь какъ, кромѣ кочевья, можно использовать всѣ необъятныя голодныя степи, куда можно зайти только весною, или горы, поднимающіяся до области вѣчнаго снѣга. Теперь и въ такихъ мѣстахъ, хотя только въ извѣстное время, живутъ люди и даже весело; но когда киргизы станутъ земледѣльцами, большая половина края должна замереть навсегда.

По даннымъ 1900 года въ 5 уѣздахъ Семипалатинской области считалось киргизовъ 591701 душъ об. п. Скота у нихъ было: овецъ и козъ 1795679 шт.; коровъ и быковъ 343344 шт.; лошадей 567522 штуки; верблюдовъ 55482 шт.[1]).

Слѣдовательно, на каждую киргизскую душу об. п. приходилось (приблиз.) овецъ и козъ 3 шт., лошадей 1 шт. рогатаго скота $^1/_2$ шт. и верблюдовъ по $^1/_{10}$ шт. Но разумѣется распредѣлено это неравномѣрно: есть киргизы, у которыхъ разнаго скота болѣе чѣмъ по 1000 шт., а есть много такихъ, у которыхъ всего одна коза, и много такихъ, у которыхъ ничего нѣтъ и которые живутъ работниками у богатыхъ киргизовъ или у казаковъ и даже у зажиточныхъ переселенцевъ.

---

[1]) См. Киргизскій край—В. П. Семенова. Т. XVШ-й стр. 241.

V.

Ардынскій участокъ.

Ардынскій участокъ находится на правомъ берегу Чернаго Иртыша въ 70 верстахъ на сѣверъ отъ Зайсана и имѣетъ площадь около двухъ тысячъ десятинъ. Границами его служатъ: южной—Черный Иртышъ (текущій съ востока на западъ), восточной—извилистая, обогнувшая участокъ дугой рѣчка Арда, впадающая въ Иртышъ [1]), текущая съ сѣвера на югъ, а западной—межа, проведенная ломанной линіей отъ Иртыша къ Ардѣ. Длина участка около 8 верстъ, а наибольшая ширина около 3 верстъ (длина его по Ардѣ, а ширина по Иртышу). Со всѣхъ сторонъ съ нимъ граничатъ призимовочныя и осеннія пастбища кочевниковъ-киргизовъ. Самый ближній поселокъ Алексѣевка отсюда за 60 верстъ.

Во время нашего пріѣзда всѣхъ жителей въ Ардынскомъ было 14 муж., 2 женщ. и 4 дѣтей. Всѣ они были изъ Калужской губ. Жиздринскаго уѣзда изъ села Огари, изъ отростка Огари сельца Тихоновки и изъ сосѣдней имъ деревни Павловской. Это были первые начинатели устройства новаго поселка. Они пріѣхали сюда въ концѣ ноября прошлаго 1906 года и зиму провели здѣсь, пріютившись въ киргизскихъ зимовкахъ. По полученіи извѣстія отъ своего главнаго ходока они были посланы своими семьями, чтобы собственными глазами осмотрѣть этотъ участокъ и оцѣнить всѣ удобства и неудобства на немъ находящіяся. Участокъ показался имъ удобнымъ, и они прямо же принялись за дѣло: заготовляли бревна для срубовъ, возили ихъ на мѣсто и затѣмъ дѣлали самые срубы. Срубовъ было поставлено около двѣнадцати, но ни одинъ изъ нихъ не былъ еще отдѣланъ: собраны были однѣ стѣны, притомъ изъ очень кривого и разнаго лѣса—осины, ракиты и тополя, растущихъ здѣсь по берегамъ Иртыша. Насто-

---

[1]) Черный Иртышъ я, какъ и вообще здѣсь его называютъ, буду для простоты называть просто Иртышемъ.

ящаго строевого лѣса здѣсь ближе ста верстъ нѣтъ, да и тамъ онъ растетъ въ горахъ и трудно досягаемъ.

Весной они посѣяли хлѣбъ—преимущественно пшеницу, кто сколько успѣлъ и сколько могъ осилить. Посѣяно было отъ 2-хъ до 5 десят. представителемъ каждой семьи.

Поселокъ располагался въ одну прямую улицу, которая имѣла направленіе по длинѣ участка, т. е. съ сѣвера на югъ (или обратно). Улица со временемъ будетъ имѣть два ряда домовъ, а пока обставлена была лишь срубами, разбросанными на разномъ и значительномъ одинъ отъ другого разстояніи. Арда протекаетъ тутъ возлѣ поселка и изъ нея берутъ воду для домашнихъ нуждъ. Иртышъ же въ трехъ верстахъ отъ поселка.

Площадь вокругъ поселка по своей растительности и качеству почвы представляетъ по принятой здѣсь терминологіи, „малоудобную солонцеватую степь“, годную, впрочемъ, для выгона. Вся эта площадь поросла чіемъ [1]), но не густымъ, а растущимъ или отдѣльными островами сноповъ, или же совсѣмъ отдѣльными снопами; между чіемъ и отдѣльно отъ него растетъ тутъ немало кустовъ колючаго чингиля. Кое-гдѣ здѣсь были и кусочки давней пашни съ замѣтными еще слѣдами арычной системы, но, вѣроятно, мало плодородной и потому заброшенной. Болѣе же всего здѣсь настоящихъ злыхъ солонцовъ съ неровной и голой поверхностью. Но и бывшія пашни своимъ видомъ мало чѣмъ отличаются отъ злыхъ солонцовъ: на нихъ тоже ничего не растетъ, и кромѣ того вся поверхность ихъ усыпана галькой [2]), какъ высохшее дно ручейка или озера.

Настоящія же пашни этого участка начинаются въ двухъ верстахъ отъ поселка и имѣются въ количествѣ пятисотъ десятинъ. Они также мѣстами сплошь усыпаны галькой и мѣстами поросли чіемъ, на нихъ встрѣчаются пятнами также и солонцы, но все же хорошей земли на ней больше, чѣмъ плохой.

---

[1]) Чій—особое растеніе, высокое и тонкое, какъ солома, а твердое, какъ камышъ. Чій не съѣдобенъ.

[2]) Мелкими камешками.

На участкѣ большую площадь занимаютъ еще пески (около 400 дес.), которые занимаютъ почти все пространство между поселкомъ и Иртышемъ. Они очень волнисты, съ нѣсколькими логовинами отъ весеннихъ протоковъ Иртыша.

Оба берега Чернаго Иртыша по всему теченію рѣки по равнинѣ заросли ракитой, тополькомъ, осиной и тальникомъ. Отсюда-то и брали лѣсъ для своихъ срубовъ „ардынцы“ и отсюда же берутъ они дрова на топливо. У самихъ „ардынцевъ“ этого „лѣса“ считается въ надѣлѣ 17 десятинъ.

Рѣчка Арда, которая служитъ природной границей этого участка и изъ которой проведены арыки къ нимъ на пашню, есть собственно рукавъ горной рѣки Кальджира, протекающей въ 7—9 верстахъ отъ Ардынскаго участка и тоже впадающей въ Иртышъ. Берега Арды, большей частью низкіе, болотистые и сильно заросшіе камышемъ; вѣроятно поэтому вода въ Ардѣ лѣтомъ сильно портится.

Самъ же Кальджиръ беретъ свое начало изъ большого горнаго озера Марка-Куля, находящагося высоко надъ Зайсанской равниной, среди отроговъ Алтайскихъ горъ, красиво тамъ поросшихъ травою и лѣсомъ. По пути, въ горахъ, къ Кальджиру присоединяются еще нѣсколько ручьевъ и рѣчекъ; онъ становится многоводнымъ и бурно мчится среди страшныхъ каменныхъ громадъ и черныхъ непроходимыхъ ущелій; весь путь его тамъ загроможденъ скалами, стѣсненъ утесами съ частыми высокими обрывами, и много разъ чистая вода Кальджира, падая съ высоты обрывовъ, разбивается на милліоны брызгъ и покрывается бѣшеною пѣной [1]). Но вотъ вырывается онъ, наконецъ, изъ каменныхъ ущелій и быстро течетъ 25 верстъ по равнинѣ, развѣтвляясь на 3—4 русла.

Передъ Иртышемъ Кальджиръ собирается въ одно русло и бѣжитъ тише, а затѣмъ покорно соединяетъ свои

---

[1]) Высота Марка-Кульскаго озера надъ Зайсанской равниной около 450 саж. Таково паденіе Кальджира при 100-верстномъ теченіи. Озеро Марка-Куль имѣетъ длину 35 вер., а шир. 15 вер.; надъ уров. моря 4616 фут.

чистыя воды съ широкими свѣтлозелеными водами Иртыша. Берега Кальджира по всему теченію отъ горъ по равнинѣ такъ же какъ и Иртыша, заросли деревьями и кустарниками: кромѣ осины, ракиты и тополька тутъ много боярышника, калины и шиповника.

По всему берегу Кальджира среди деревьевъ понастроены сотни киргизскихъ зимовокъ, которыя хорошо здѣсь защищены и отъ злыхъ зимнихъ вьюгъ и отъ сильныхъ осеннихъ и весеннихъ вѣтровъ.

Но лѣтомъ здѣсь киргизовъ совсѣмъ нѣтъ: всѣ они въ горахъ возлѣ Марка-Куля откармливаютъ свои стада. А въ ихъ отсутствіе по берегу Кальджира вырастаетъ роскошная трава, мѣстами выше роста человѣка. Никѣмъ она не хранима и никто ее не трогаетъ. Въ ней въ это время ютятся милліарды комаровъ,—и ни животное, ни звѣрь, ни человѣкъ не посмѣютъ къ нимъ сунуться. Къ первому августа, когда ночи становятся холодными, комары замѣтно исчезаютъ, и тогда появляются работники—киргизы и начинаютъ косить траву, чинить зимовки. Затѣмъ понемногу подходятъ и хозяева—киргизы со своими стадами, и жизнь на Кальджирѣ начинаетъ идти своимъ порядкомъ. Эти киргизы самые близкіе сосѣди „ардынцевъ“, и участокъ „Ардынскій“ прежде былъ въ пользованіи киргизовъ Кальджирской волости.

Прямо передъ поселкомъ, въ одной верстѣ отъ него, на востокъ за Ардой высится мѣстами отлогая, мѣстами обрывистая, полосатая глиняная гора Ашадасъ. Ни кустика, ни травки на ней не зеленѣетъ, но издалека видны ея разноцвѣтныя полосы глины: мутно-бѣлой, желтой, голубоватой и особенно выдѣляющейся кроваво-красной. Эта гора тянется вдоль берега Иртыша и имѣетъ верстъ 15 въ длину и отъ 2-хъ до 3-хъ верстъ въ ширину [1]).

[1]) Въ этой горѣ есть и залежи каменнаго угля, но неизвѣстно его качество и онъ еще не разрабатывается. Нынѣшней осенью пріѣзжалъ изъ Зайсана углепромышленникъ и сдѣлалъ на него заявку, предполагая, вѣроятно, когда-нибудь взяться за его разработку. Сбытъ его былъ-бы обезпеченъ для нуждъ пароходства Верхне-Иртышскаго товарищества, которому очень дорого обходится дровяное отопленіе, въ виду отсутствія поблизости лѣсовъ.

На сѣверъ въ 25 верстахъ отъ поселка стоятъ длинной цѣпью высокіе черные отроги Курчумскаго хребта, усыпанные обломками скалъ, какъ старая развалившаяся постройка. Изъ этихъ горъ выбѣгаетъ Кальджиръ, и его ущелье отсюда видно отлично, такъ какъ горы благодаря необыкновенной прозрачности воздуха кажутся не далѣе 3—5 верстъ. Эти отроги тянутся съ запада на востокъ и въ 60 верстахъ отъ Кальджирскаго ущелья загибаютъ нѣсколько къ юго-востоку; тамъ они поднялись еще выше, края ихъ заходятъ немного въ Китай и тянутся далеко по границѣ, то понижаясь, то еще болѣе повышаясь. Это, такъ сказать, дѣти Алтайскихъ горъ.

Немного лѣвѣе Ашадаса у подножія этихъ горъ въ ясный день изъ земли показывается что-то блестяще-желтое и странно-волнистое, сильно выдѣляющееся своимъ видомъ изъ окружающей мѣстности. Сначала кажется, что это миражъ, привидѣніе, но это, оказывается, тоже горы, только не каменныя, а чистѣйшаго желтаго сыпучаго песку. Онѣ вдвое, а можетъ быть и втрое пониже каменныхъ и находятся на китайской сторонѣ, начинаясь въ 40 верстахъ отъ этого поселка.

Недалеко отъ этихъ песчаныхъ горъ, между ними и Ашадасомъ, находится и тотъ самый свободный участокъ Кызылъ-ёнке, который составлялъ цѣль моей поѣздки.

Въ 30 верстахъ отъ Кызылъ-ёнке, между песчаными и каменными горами, почти въ уголкѣ находится поселокъ Алексѣевка.

На югъ за Иртышемъ далеко отсюда синѣютъ Монракскія горы, тѣ самыя, у подножія которыхъ расположенъ гор. Зайсанъ. За ними поднимается къ небу очень высокій Саурскій хребетъ, вершина котораго покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Отсюда онъ кажется слитымъ съ Монракскими горами, хотя отъ Зайсана до Саурскаго хребта по прямой линіи около 40 верстъ, а отъ поселка до него болѣе 100 верстъ.

На западѣ совсѣмъ не видно горъ, потому что онѣ тамъ низки, да и отсюда до нихъ далеко. Еще не видно горъ на юго-восточной китайской сторонѣ, почти противъ

западной, откуда несетъ свои воды Иртышъ, но это, оказывается, не къ лучшему. Именно съ этихъ сторонъ то взадъ, то впередъ, дуютъ здѣсь такіе сильные и частые вѣтры, что новоселы справедливо причисляютъ ихъ къ главной египетской казни на этомъ участкѣ (ко второстепенной казни они относятъ комаровъ, мошекъ и прочую дрянь, которая здѣсь водится въ изобиліи.).

Таковы видимыя окрестности этого участка.

Теперь вернемся нѣсколько назадъ, къ самому первоначальному заселенію этого участка.

Главнымъ ходокомъ у „ардынцевъ“ былъ сорокалѣтній крестьянинъ Василій Михайловичъ Абрамкинъ, очень энергичный и хорошо грамотный человѣкъ; онъ отыскалъ этотъ участокъ и выхлопоталъ у начальства, чтобы весь участокъ былъ записанъ за его односельцами.

А до этого около трехъ лѣтъ прожилъ Абрамкинъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, знакомясь съ ея климатомъ и подыскивая подходящую землю. Былъ онъ и въ Иркутскѣ, и возлѣ Байкала, и въ Енисейской, и Томской, и Тобольской губерніяхъ; походилъ по Барнаульскому и Бійскому уѣздамъ, отыскивая кабинетскія земли, и по Акмолинской и Семипалатинской областямъ и забрелъ, наконецъ, въ отдаленный Зайсанскій уѣздъ, гдѣ и нашелъ свободнымъ Ардынскій участокъ. Этотъ участокъ показался ему очень подходящимъ: на немъ есть и недурные сѣнокосы, и на первый разъ лѣсъ для постройки, и рыбная рѣка Иртышъ, и рѣчка для водопоя Арда. Здѣсь и пашни съ поливомъ, обезпечивающимъ вѣрные урожаи, и лѣто безъ позднихъ и раннихъ заморозковъ, которые въ другихъ мѣстахъ такъ губятъ всѣ овощи; здѣсь отлично созрѣваютъ не только огурцы и подсолнухи, но и великолѣпные арбузы и дыни. Однимъ словомъ—чуть не Малороссія.

Правда, здѣсь всюду дикія и угрюмыя мѣста: кругомъ пустынныя горы, а на самомъ участкѣ много песку, со-

лонцовъ, гальки и вездѣ чій, который все заслоняетъ кромѣ горъ и благодаря которому всегда и все кажется засохшимъ,—мертвымъ.

Но за то—какой просторъ! А на маленькій поселокъ въ двадцать или тридцать дворовъ хватитъ здѣсь и хорошей земли. И ко всему можно привыкнуть, лишь бы жилось хорошо,—разсуждалъ Василій Михайловичъ, когда посылалъ письмо своимъ односельцамъ, приглашая ихъ ѣхать смотрѣть участокъ, и, если покажется хорошимъ, приниматься скорѣй за устройство новой жизни въ Сибири.

По полученіи письма, живо собрались Огарцы, Тихоновцы и Павловцы въ дорогу, мѣшкать было некогда, и въ концѣ сентября 1906 года тронулись въ дальній путь. Главнымъ образомъ, ихъ соблазняли сѣнокосы, которыхъ дома у нихъ было очень мало, затѣмъ высокіе урожаи пшеницы (до 100 пудовъ съ десятины!) и, наконецъ, рыбная ловля въ непочатомъ еще Черномъ Иртышѣ.

Ихъ ѣхало 15 муж. 2 женщ. и 4 дѣтей; одна женщина ѣхала съ мужемъ и однимъ мальчикомъ, а другая—жена ходока В. Абрамкина—была съ тремя дѣтьми.

По обыкновенію, на 9-й или 10-й день они пріѣхали въ Омскъ, а оттуда на пароходѣ поплыли въ Семипалатинскъ. Но дорогой начались морозы, по Иртышу поплыли льдины, и пароходъ совсѣмъ остановился въ гор. Павлодарѣ; до Семипалатинска оставалось еще 337 верстъ по почтовому тракту.

Наши ходоки сошли съ парохода, купили двѣ лошади, двѣ телѣги, уложили на нихъ свои вещи, посадили женщинъ съ дѣтьми, а сами пѣшіе двинулись въ Семипалатинскъ, куда и прибыли дней черезъ восемь благополучно.

Въ Семипалатинскѣ они отдохнули немного, купили еще одну или двѣ лошади и такимъ же образомъ отправились далѣе на свой участокъ.

На этотъ разъ только что они отъѣхали верстъ двадцать отъ Семипалатинска, какъ поднялся буранъ. Скоро они сбились съ дороги и не знали, что дѣлать. Всякій знаетъ, что и въ Россіи, гдѣ все-таки часты деревни, сбиться съ дороги въ метель—дѣло непріятное. А здѣсь

оно во сто разъ хуже, такъ какъ и бураны здѣшніе посердитѣй русскихъ метелей, да и нѣтъ никакой надежды, сбившись съ дороги, найти жилье, чтобъ обогрѣться.

Плутая по невѣдомой степи, ходоки порядочно перепугались, такъ какъ, кромѣ всего, и одежда на нихъ была плохая, и долго ли могли они противостоять пронизывающему холоду. Но счастье на этотъ разъ, вѣроятно, шло съ ними: ихъ лошади, которымъ они, разумѣется, дали свободу, привели ихъ къ киргизской зимовкѣ, гдѣ они и обогрѣлись и переждали, пока буранъ утихнетъ.

Потомъ они ужъ безъ всякихъ приключеній пріѣхали на свой участокъ въ концѣ ноября, пробывъ въ дорогѣ около двухъ мѣсяцевъ.

На участкѣ они на берегу Иртыша нашли пустую киргизскую зимовку, и часть ихъ поселилась въ ней, а часть въ другой нанятой зимовкѣ.

Зиму провели они, какъ уже сказано было, за приготовленіемъ срубовъ и даже съ однимъ интереснымъ приключеніемъ, которое состояло въ слѣдующемъ.

Какъ-то вскорѣ послѣ „Зимняго Николы“ къ нимъ заѣхали киргизы и объяснили, что въ камышахъ на Ардѣ есть „чушка“, т. е. дикій кабанъ [1]). „Ардынцы“ живо вооружились, у нихъ почти у каждаго было ружье, и въ количествѣ шести человѣкъ пошли къ камышамъ на кабана.

Тамъ они подняли крикъ, и вскорѣ изъ камыша выскочила огромная „чушка“ недалеко отъ Максима Жаркова.

Жарковъ бахнулъ ей въ бокъ и, оказалось, попалъ въ самое сердце. „Чушка“ однако убѣжала, но Жарковъ видѣлъ, что изо рта у нея шла кровь и потому догадывался, что ранилъ ее смертельно. И дѣйствительно, „чушка“ пробѣжала полверсты и легла совсѣмъ.

Сколько радости оказалось у „ардынцевъ“: „чушка“

---

[1]) Сами киргизы—магометане, мяса свиней не ѣдятъ и на кабановъ не охотятся. Можетъ быть поэтому здѣсь кабаны и водятся; на Арду все-таки они заходятъ только случайно, настоящее же ихъ мѣстопребываніе въ болѣе безлюдныхъ мѣстахъ.

на самомъ дѣлѣ была чушка, т.-е. самка и вѣсила около 8 пудовъ. А какая превосходная щетина, прямо—лучше которой не бываетъ. Славно и досыта поѣли „ардынцы“ мяса дикой свиньи.

Черезъ недѣлю къ нимъ опять заѣхали киргизы и опять объяснили, что тамъ же есть другая „чушка“ болѣе первой.

Живо опять собрались ардынцы на охоту.

Славу Богу! скоро Рождество и вотъ сама судьба посылаетъ имъ къ празднику окороковъ.

Но я сдѣлаю здѣсь маленькое разъясненіе.

Главный ходокъ ихъ В. М. Абрамкинъ теперь, къ великому сожалѣнію, былъ только съ одной рукой, на другой же рукѣ его не было кисти: она была оторвана полгода тому назадъ разорвавшимся ружьемъ. Это было большое несчастіе, особенно для такого энергичнаго человѣка, какимъ былъ В. М. Абрамкинъ, но дѣлать было нечего.

Итакъ „ардынцы“ отправились опять охотиться на кабана, на этотъ разъ въ количествѣ девяти человѣкъ. Пошелъ съ ними и В. М. Абрамкинъ. Опять подошли они къ камышу и стали пугать звѣря, который и не замедлилъ появиться. Это дѣйствительно былъ огромный кабанъ, съ большими торчащими изо рта клыками, которыми онъ могъ пороть направо и налѣво, такъ называемый „сѣкачъ“.

Раздались выстрѣлы, и кабанъ былъ раненъ. Но онъ только яростно подпрыгивалъ, когда въ него впивались пули, и вдругъ прыжкомъ наскочилъ на Абрамкина. Конечно сразу сбилъ его и началъ рвать клыками.

Видя погибающаго товарища, остальные стали въ тупикъ: стрѣлять опасно было, такъ какъ можно было попасть въ самого Абрамкина.

У одного изъ нихъ—Ѳомы, по прозванію „Матроса“, былъ острый японскій штыкъ [1]). Ѳома подбѣжалъ къ нимъ

---

[1]) Ѳома Григ. Прокоповъ, котораго прозвали „Матросомъ“ на самомъ дѣлѣ служилъ во время войны на крейсерѣ „Россія“ во Владивостокской эскадрѣ. Онъ участвовалъ во всѣхъ бояхъ этой эскадры и имѣетъ Георгія 4-й степени.

и, размахнувшись, изо всей силы ударилъ кабана штыкомъ, намѣреваясь пронзить его въ сердце, но попалъ въ „лопатку“, и штыкъ его сломался, а Ѳома долженъ былъ бѣжать. Однако послѣ этого убѣжалъ и кабанъ обратно въ камышъ, бросивъ Абрамкина живымъ.

Абрамкинъ лежалъ на снѣгу, и товарищи со страхомъ подошли къ нему узнать, что съ нимъ. Но, слава Богу, ничего съ нимъ не случилось. Когда его сбилъ кабанъ, онъ закрылъ лицо руками и не шевелился; кабанъ нѣсколько разъ рванулъ его клыками и сильно изорвалъ ему новую шубу—только и всего.

Но охотники все же перепугались, рѣшили оставить кабана въ покоѣ, такъ какъ и пули ихъ видимо на него мало дѣйствовали.

На другой день „ардынцы“ все-таки не вытерпѣли и отправились на кабана снова. Ужъ очень жаль было упускать такую цѣнную добычу.

Теперь у нихъ планъ былъ другой. Подойдя къ камышу, они зажгли его со всѣхъ сторонъ и стали смотрѣть, что будетъ. Камышъ былъ сухой и загорѣлся жарко. Вотъ изъ пламени лѣзетъ и кабанъ, обгорѣлый, страшный, но видимо уже потерявшій бодрость. Опять грянули выстрѣлы, но кабанъ не валился, но и не прыгалъ такъ, какъ прыгалъ онъ вчера. Отбѣжавъ немного въ сторону отъ камыша, кабанъ завалился за снѣжный сугробъ и тамъ залегъ.

Добивать его полѣзъ опять Жарковъ; подползши къ нему близко, онъ далъ по немъ два выстрѣла, намѣреваясь попасть въ глазъ, но не попалъ. Въ отвѣтъ на выстрѣлы кабанъ вздрагивалъ, но все еще былъ живъ и казался опаснымъ. Тогда Жарковъ приставилъ къ нему дуло ружья почти къ глазу и выстрѣлилъ еще, и, наконецъ, кабанъ протянулся.

Въ кабанѣ оказалось 10 пудовъ, но щетиной не пришлось попользоваться, такъ какъ весь онъ обгорѣлъ заживо. На весь мясоѣдъ хватило имъ этого кабана, но часто и въ супу и въ мясѣ попадались сплющенныя пули, которыхъ насажали въ него такъ много, да и мясо его было очень твердымъ.

Насталъ великій постъ; морозы были маленькіе, и работа у ардынцевъ кипѣла: они ставили срубы на мѣсто и приготовлялись браться за пашню и посѣвы. Имъ выдали ссуду сразу полностью по 165 руб. на каждаго домохозяина, что бываетъ рѣдко и было отчасти тоже благодаря хлопотамъ Абрамкина (выдача ссуды обыкновенно растягивается на 2—3 года).

Купили еще лошадей, плуги, сѣмянъ и начали пахать и сѣять.

Передъ этимъ ихъ порадовала еще и рыбная ловля. Это было великимъ постомъ, когда на Иртышѣ еще стоялъ ледъ, а на Ардѣ уже растаялъ. И вотъ огромныя щуки цѣлыми стаями плыли въ Арду, въ которой, кстати сказать, очень много мелкой рыбы. Но Арда въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ устья, широка и очень мелка. Щуки тамъ были наполовину снаружи и все-таки лѣзли впередъ. Тамъ ихъ нечаянно увидѣлъ крестьянинъ Орловъ. Взявъ колъ, Орловъ началъ расправляться съ щуками и такимъ образомъ за день „наловилъ“ ихъ до 15 пудовъ.

Потомъ, когда на Иртышѣ пошелъ ледъ, „ардынцы“ ставили сѣти въ устьяхъ Арды и въ нѣкоторыхъ затонахъ и наловили рыбы очень много. Болѣе всего было щукъ, но попадались и большіе налимы и очень дорогая рыба— таймень. Разумѣется обо всемъ этомъ было сообщено на родину, чтобы веселѣе было особенно женщинамъ разставаться съ родными людьми и съ родными деревнями.

Я пріѣхалъ въ „Ардынскій“ въ первыхъ числахъ іюня. Въ это время среди „ардынцевъ“ происходило сильное броженіе въ виду недовольства участкомъ. Пора разныхъ удачъ прошла, наступило время разныхъ огорченій. Всходы оказались рѣшительно у всѣхъ очень плохими и при томъ дѣйствительно странными: иной стебель пшеницы, хотя и былъ въ 4 вершка ростомъ, а начиналъ уже колоситься, а иной только еще выходилъ изъ земли. Всходы были рѣдкіе съ большими совсѣмъ пустыми мѣстами. Воз-

можно, что плохіе всходы вышли потому, что „ардынцы“ не сумѣли по здѣшнему ни вспахать, ни посѣять, ни полить, такъ какъ первый разъ брались за новую для нихъ землю. Возможно и даже вѣроятно, что на будущій годъ, когда они получше ознакомятся съ уходомъ за землей, и урожай у нихъ будетъ лучше. Но какъ объ этомъ сказать навѣрное, и кто знаетъ, будетъ ли урожай здѣсь когда-нибудь или не будетъ?

А вѣтры! они такъ часто и сильно бушуютъ здѣсь, что не только мѣшаютъ работать, но кажется, что когда-нибудь они опрокинутъ и самые срубы; дуютъ они всегда съ однѣхъ и тѣхъ же сторонъ: то съ запада на востокъ, то съ востока на западъ, повторяясь въ недѣлю раза два и три и бушуя цѣлыми сутками.

Все это очень безпокоило „ардынцевъ“, и нѣкоторые изъ нихъ теперь горько раскаивались, что покинули родину неизвѣстно для чего.

Однако давно уже были посланы письма на родину, чтобы отцы и матери, братья и жены съ дѣтьми продавали все имущество и ѣхали сюда въ эту „обѣтованную землю“.

Что же теперь было дѣлать?

Съ нами въ дорогѣ встрѣчались два „ардынскихъ“ мужичка, которые спѣшно шагали къ Зайсану; оказывается, они шли затѣмъ, чтобы послать своимъ семьямъ телеграмму и предупредить ихъ, чтобы они остановились и ни въ какомъ случаѣ сюда не ѣхали, такъ какъ участокъ оказывается плохимъ.

Но они опоздали съ своими телеграммами: ихъ семьи въ это время давно уже были въ дорогѣ и даже „перевалили“ за Уралъ, такъ какъ тоже торопились ѣхать; вѣдь согласно письмамъ они должны были пріѣхать на новое мѣсто, чтобы не опоздать къ уборкѣ новаго хлѣба.

Въ концѣ іюня, въ самый комариный сезонъ, пріѣхали эти семьи въ Ардынскій. Ихъ было до 100 человѣкъ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и ѣхали они двумя партіями.

Нѣтъ надобности передавать подробно ихъ разсказы о пути, разсказы о сборахъ въ дорогу, о распродажѣ за безцѣнокъ своего имущества и такъ далѣе, такъ какъ это

всѣмъ извѣстно. Но нужно сказать, что этотъ длинный и медленный путь съ маленькими дѣтьми и женщинами очень труденъ и мученъ. Въ дорогѣ, вслѣдствіе сквернаго содержанія „приспособленныхъ“ переселенцамъ товарныхъ вагоновъ [1]), у нихъ заболѣли рѣшительно всѣ дѣти: то корью, то скарлатиной, то коклюшемъ, и троихъ изъ нихъ схоронили въ пути. Одна женщина дорогой разрѣшилась отъ беременности. Сколько хлопотъ, сколько мученій съ этими больными и умирающими дѣтьми и съ слабыми женщинами въ набитомъ дополна товарномъ вагонѣ или въ такой же тѣснотѣ на пароходѣ.

Отъ Семипалатинска женщинамъ становится страшно: проѣхали онѣ такъ далеко, а чѣмъ дальше, тѣмъ мѣстность становится хуже и хуже. Передъ ними высохшія равнины, черныя горы, страшные люди—киргизы [2]). И женщины готовы были плакать или рады бы даже вернуться назадъ. Но ихъ утѣшаютъ, Ардынскій участокъ совсѣмъ не то, что здѣшнія мѣста, что тамъ лѣсъ, луга, рыбная рѣка, и, скрѣпя сердце, онѣ плывутъ дальше.

Вотъ и Зайсанское озеро и Топольный мысъ, гдѣ всѣ сошли съ парохода. Здѣсь ихъ встрѣтили выѣхавшіе изъ Ардынскаго ихъ родные, которые были предупреждены посланной изъ Семипалатинска телеграммой.

Но имъ предстояло переплыть еще поперекъ Зайсанское озеро, на другую его сторону. Озеро въ этомъ мѣстѣ имѣетъ до 30 верстъ ширины. Ихъ взялся туда переправить Зайсанскій рыбакъ за 25 руб. на большомъ баркасѣ.

Поплыли они еще и на баркасѣ. Но баркасъ былъ старый, стоялъ до этого безъ дѣла и потому былъ съ силь-

---

1) Приспособленность этихъ вагоновъ такова, что въ нихъ нѣтъ даже хоть какого-нибудь клозета. Въ то же время нѣтъ ихъ и на станціяхъ, такъ какъ нельзя считать маленькаго на 4 человѣка отхожаго мѣста достаточнымъ, когда людей сотни, а на большихъ станціяхъ—тысячи. Можно понять, что творится при остановкахъ переселенческаго поѣзда.

2) Киргизы, кочующіе по здѣшнимъ степямъ и горамъ, народъ вообще добродушный, но людямъ незнающимъ ихъ, а особенно дер. женщинамъ, они съ перваго раза кажутся страшными, чуть не людоѣдами.

ной течью. Чѣмъ дальше плыли они, тѣмъ болѣе баркасъ погружался ниже и ниже, и воду не успѣвали отливать. Они ужъ были далеко отъ берега, когда всѣмъ стало явно, что баркасъ тонетъ.

Поднялся плачъ, пошла суматоха, но въ то же время всѣ принялись за дѣло: женщины рвали свои узлы, доставали рубахи, полотенца и вообще что попало, чтобы законопатить ими дыры; вычерпывали воду всѣмъ, что попадалось въ руки: чугунами, чашками, ведрами, и опасность стала уменьшаться. На ихъ счастье погода была совершенно тихая и только поэтому имъ удалось благополучно добраться до другого берега. Ихъ ожидали тамъ остальные родные съ приготовленными подводами (подводы были только для вещей и для дѣтей). Но тутъ у нихъ оказался еще такой непріятный случай: ни у кого не было хлѣба (не говоря ужъ о другомъ)—ни у пріѣхавшихъ, ни у встрѣчавшихъ. А всѣ были давно голодны.

Случилось это такимъ образомъ:

Изъ Семипалатинска въ Ардынскій была прислана телеграмма съ извѣстіемъ, что ихъ семьи ѣдутъ въ Ардынскій. Телеграмма была послана въ день пріѣзда семей въ Семипалатинскъ и случайно была получена „ардынцами“ безъ задержки; получивъ телеграмму, они отправились немедленно къ Зайсанскому озеру встрѣчать своихъ родныхъ.

А между тѣмъ ихъ семьямъ пришлось около недѣли ожидать въ Семипалатинскѣ парохода. И потому, когда семьи еще были въ Семипалатинскѣ, „ардынцы“ сидѣли возлѣ Зайсанскаго озера и, ожидая со дня на день, съѣли весь припасенный пріѣзжимъ хлѣбъ. Въ то же время у нихъ тамъ были украдены двѣ лошади, которыя такъ и не нашлись.

Дѣти плакали, прося хлѣба, а его нѣтъ и достать негдѣ. Но все-таки они нашли, чѣмъ, хоть немного, можно было кормиться: имъ въ чію попадались зайцы, которыхъ они стрѣляли, варили и поѣдали безъ остатковъ.

Проѣзжая равнину, прибывшіе увидѣли, что мѣста здѣсь еще страшнѣй, чѣмъ возлѣ и за Семипалатинскомъ:

земля часто совсѣмъ голая и притомъ очень каменистая, каменныя горы еще чернѣй и страшнѣй, а людей не видно никакихъ. Киргизы, которыхъ здѣсь во всѣхъ возможныхъ имъ только мѣстахъ очень много, были въ это время далеко отсюда въ горахъ, на лѣтнихъ пастбищахъ.

Но вотъ пріѣхали и въ поселокъ.

Что они тутъ увидѣли?—я объ этомъ уже говорилъ, описывая участокъ:—все тотъ же чій, солонцы, гальку, песокъ, свои срубы и тѣ же горы.

Можно ли передать все ихъ разочарованіе и горечь, когда они увидѣли еще и печальные всходы?

И день пріѣзда ихъ въ поселокъ справедливо можно назвать днемъ величайшаго плача, досады и попрековъ.

Ради чего лишились они всего имущества на родинѣ, которое собирали годами, ради чего потратили всѣ деньги, вырученные за имущество, на дальнюю дорогу и ради чего терпѣли они столько мученій и пережили страшную опасность?

И горько плакали здѣсь женщины и много насулили нехорошаго всѣмъ тѣмъ, по милости которыхъ онѣ попали въ эту сторону. Но и изъ мужчинъ нѣкоторые горевали не менѣе женщинъ.

Спустя дня два пріѣзжіе захотѣли утѣшиться хоть рыбной ловлей—вѣдь и неводъ новый привезли съ родины. Закинули. Въ заливѣ поймали нѣсколько карасей, а въ рѣкѣ ничего не поймали.

Двѣ семьи на третій день по пріѣздѣ стали собираться въ обратный путь несмотря на то, что дома все было продано и средствъ тамъ не было никакихъ, да и на обратную дорогу денегъ не хватало. Однако онѣ все-таки уѣхали, не сказавъ даже „прощай“ тѣмъ своимъ роднымъ, которые пригласили ихъ сюда ѣхать.

Какъ они доѣхали обратно и какъ теперь поживаютъ безъ хозяйствъ въ своей Огари или Тихоновкѣ?—Богъ ихъ знаетъ.

Пять человѣкъ, разспросивъ у какого-то проѣзжаго сибиряка дорогу, отправились прямо черезъ горы искать

новыхъ мѣстъ на рѣчку Бухтарму,—это недалеко отъ Алтайской станицы.

Сибирякъ разсказывалъ, что тамъ очень хорошо. По прямой линіи это отсюда верстъ 150, но по горамъ безъ дороги, вѣроятно, въ два раза больше. Но главное, въ горахъ они скоро запутались, на четвертый или пятый день у нихъ вышла провизія и они, голодные и обезсиленные, лазили по обрывамъ, не зная, какъ изъ нихъ выпутаться. Выручили ихъ киргизы, которыхъ они встрѣтили гдѣ-то въ лощинѣ и которые накормили ихъ и указали путь къ рѣчкѣ Бухтармѣ.

Нашли они Бухтарму и побывали тамъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ.

Они увидѣли, что горы тамъ совсѣмъ не такія, какъ тѣ, которыя окружаютъ Зайсанскую равнину. Хотя и тамъ вездѣ торчатъ каменныя скалы, но большая часть горъ покрыта травою, мѣстами даже роскошной и кромѣ того по горамъ растетъ не мало разнаго лѣса. Мѣста для пашни выбираютъ въ междугорныхъ долинахъ, и хлѣбъ тамъ всегда растетъ хорошо, но, къ сожалѣнію, *не всегда созрѣваетъ*. Зима начинается рано и, случается, выпадаетъ снѣгъ, когда хлѣбъ стоитъ еще зеленымъ. Точно также и весной долго продолжаются утренніе морозы. Большая половина крестьянъ живутъ здѣсь нисколько не лучше того, какъ жили Огарцы, Тихоновцы и Павловцы въ своихъ родныхъ мѣстахъ. Есть крестьяне и тамъ, которые живутъ богато, но такіе совсѣмъ почти не занимаются земледѣліемъ: они разводятъ мараловъ и продаютъ китайцамъ ихъ очень дорогіе рога [1]). Разводить мараловъ и снимать съ нихъ рога—дѣло очень легкое и наживное, но заняться этимъ дѣломъ такъ же легко, какъ, напри-

---

[1]) Маралъ—полудикое, но очень смирное животное породы большихъ оленей. Когда-то они попадались здѣсь и на свободѣ, но теперь ужъ этого нѣтъ.

Каждый годъ въ извѣстное время съ нихъ снимаютъ рога и продаютъ китайцамъ за 50—70 руб. съ каждаго марала. Къ слѣдующему году рога вырастаютъ вновь, и если не снимаютъ ихъ, то они отпадаютъ и сами, но тогда ужъ не имѣютъ цѣны. Китайцы изъ роговъ марала варятъ какое-то снадобье—очень ими цѣнимое.

мѣръ, построить въ Калужской губ. паровую мельницу или лѣсопильный заводъ: если есть на это деньги, то не трудно, а если денегъ нѣтъ, то совсѣмъ нельзя. Пара мараловъ стоитъ до 300 рублей, а ихъ нужно имѣть по крайней мѣрѣ десятокъ. Да нужно для нихъ достать не менѣе 30—40 десятинъ лѣса, который весь или казенный, или кабинетскій, и хорошенько обгородить его, чтобъ маралы не ушли и не украли ихъ.

Походили наши земляки тамъ и видятъ, что трудно опредѣлить, гдѣ скорѣй и лучше можно устроиться, здѣсь ли въ горахъ или на равнинѣ въ Ардынскомъ. И трое изъ нихъ пришли обратно въ Ардынскій, а двое, хотя и приходили, но взяли свои семьи и ушли на Бухтарму.

Это было въ концѣ іюля. Въ это время и я покинулъ „Ардынскій поселокъ“, нанявшись къ гидротехнику Переселенческаго Управленія вырыть колодезь въ Алексѣевкѣ.

VI

Поселокъ Алексѣевка.

Алексѣевка начала заселяться съ 1903 года, т.е. 4—5 лѣтъ тому назадъ, но до назначенной нормы не заселена еще и на половину, хотя всѣ душевыя доли въ ней заняты, т. е. записаны за крестьянами, желающими сюда переселиться [1]). Теперь въ Алексѣевкѣ около 60 домовъ, которые расположены въ одну прямую улицу, имѣющую въ длину полторы версты. Улица идетъ почти по ровной возвышенности увала вдоль лѣвой стороны рѣчки Теректы, протекающей отъ улицы приблизительно въ 120 саженяхъ.

Отъ улицы въ обѣ ея стороны идутъ уклоны: съ одной стороны, крутой и мѣстами съ обрывами, къ рѣчкѣ, а съ другой, отлогій, къ небольшому лугу, находящемуся

---

[1]) Если бы кто изъ этихъ записанныхъ въ теченіе двухъ лѣтъ со дня записи сюда не пріѣхалъ, то на ихъ мѣсто есть записанные кандидаты, которые тоже пріѣхали за землей и иногда живутъ здѣсь подолгу въ ожиданіи такихъ свободныхъ долей.

въ лощинѣ въ одной верстѣ отъ улицы. Между лугомъ и населенной улицей должна быть такая же вторая улица, которая съ нынѣшняго лѣта и начинала заселяться вновь прибывшими переселенцами въ количествѣ около 20 семей.

Всѣ домики въ Алексѣевкѣ имѣютъ невзрачный видъ, такъ какъ всѣ они сдѣланы на скорую руку самими хозяевами безъ особыхъ мастеровъ и всѣ по здѣшнему обычаю безъ крышъ. Для пріѣзжаго изъ Россіи такіе домики кажутся неоконченными или пострадавшими отъ пожара, но на самомъ дѣлѣ въ этихъ мѣстахъ всѣ привыкли обходиться по азіатски безъ крышъ. Домовъ съ десятокъ было деревянныхъ, рубленныхъ срубами, хотя тоже изъ кривой осины, а всѣ остальные были сдѣланы изъ земляного кирпича или были просто землянки.

Несмотря однако на эти невзрачные домики, поселокъ имѣлъ живой и даже отрадный видъ, и можно было надѣяться, что стоитъ онъ на хорошемъ, удобномъ мѣстѣ и, можетъ быть, будетъ расти и развиваться; эта надежда является еще тогда, когда увидишь весьма отличныя отъ Зайсанской равнины земли этого участка и увидишь ихъ поля, обѣщающія дать обильный урожай всего. Самъ поселокъ оживлялся нѣсколькими настоящими малороссійскими огородами, которые въ это время были въ самомъ роскошномъ періодѣ роста, цвѣтенія и созрѣванія: на огородѣ не такъ вѣдь, какъ въ саду,—все это происходитъ одновременно. Послѣ сухой Зайсанской равнины нельзя было достаточно налюбоваться на эти дѣйствительно прекрасные огороды.

Виднѣе всего стояли высокіе подсолнухи съ широкими зелеными листьями и большими ярко-желтыми цвѣтущими головами. Самые молодые, только еще расцвѣтшіе, подсолнухи стояли, поднявъ свои золотистыя головы кверху и весь день смотрѣли на солнце, какъ на свою родную мать, на которую они не могутъ насмотрѣться; болѣе же спѣлые нагнулись къ землѣ и теперь, вѣроятно, понимали, что и земля для нихъ также родимая мать. Рядомъ съ подсолнухами, не уступая имъ ростомъ, зрѣла стройная кукуруза, распустивъ свои шелковые бѣлокурые волосы, которыми такъ нѣжно и заботливо укрытъ ея плодъ. Но

среди всеобщей живой зелени огорода особенно ярко выдѣлялись цѣлыя гряды разноцвѣтнаго мака съ крупными, какъ бокалы, цвѣтами.

Хозяева этихъ огородовъ были на самомъ дѣлѣ малороссы и видимо любили не только пользу, но и красоту растеній, и потому въ ихъ огородахъ кромѣ мака много есть и другихъ цвѣтовъ: я видѣлъ здѣсь и разноцвѣтные майорики и желтую гвоздику и красавицу зорьку и душистые васильки; точно также у нихъ росли здѣсь всевозможные овощи: огурцы, морковь, свекла, рѣдька, лукъ и тому подобное, а у нѣкоторыхъ были даже баклажаны. Но очень жаль, что огороды были далеко не у всѣхъ, хотя мѣста для нихъ было сколько угодно и каждому была отмежевана для усадьбы и огорода площадь въ 16 саж. ширины и 60 длины.

Въ чемъ же было затрудненіе, и что мѣшало имѣть возлѣ дома огородъ каждому?

Затрудненіе было въ томъ, что въ арыкѣ, проведенномъ къ поселку, текло очень мало воды, не болѣе какъ на 25—30 огородовъ, и воду захватывали тѣ, къ которымъ она была ближе, остальные же оставались безъ воды и, слѣдовательно, безъ огородовъ. Случалось, что не хватало воды полить уже засѣянные огороды, и тогда они или засыхали совсѣмъ или росли чрезвычайно чахлыми. Арыкъ для поселка можно бы сдѣлать болѣе многоводнымъ, если расширить его русло и укрѣпить болѣе его плотину, тогда и воды хватило бы всѣмъ и раздѣлить ее можно было бы поровну, но для этого требуется и общій трудъ и, главнымъ образомъ, общее согласіе, котораго въ Алексѣевкѣ къ сожалѣнію очень мало. Со временемъ, можетъ быть, все это уладится и устроится.

Земли въ Алексѣевкѣ считается на 570 душевыхъ долей и, считая по 15 десятинъ на душу, должно быть 8550 десятинъ; на самомъ дѣлѣ земли въ этомъ участкѣ еще болѣе, такъ какъ имѣющіяся на немъ неудобныя земли не считаются, а малоудобныя—считаются 2 и 3 десятины за одну удобную, поэтому земли въ Алексѣевкѣ имѣется около 10,000 десятинъ.

Въ Зайсанскомъ уѣздѣ это самый лучшій участокъ и по мягкому климату, и по плодородію земли, и по малому количеству комаровъ, которыхъ въ другихъ мѣстахъ этой равнины болѣе чѣмъ достаточно.

Точно также и растительность здѣсь нѣсколько иная: чій можно увидѣть только въ рѣдкихъ мѣстахъ и въ самомъ маломъ количествѣ, солонцовъ очень мало, гальки нѣтъ совсѣмъ, и травяной покровъ хотя вообще и не густой и преимущественно сорный, малосъѣдобный, но имѣется всюду.

Поверхность участка также не представляетъ гладкой равнины, а наоборотъ—нѣсколько волниста, съ лощинками и увалами; но лощинки не глубоки, а увалы не высоки и безъ крутыхъ покатостей; лощинки встрѣчаются иногда съ густой хорошей травой, съ массой голубого цикорія и разноцвѣтной бѣлой, кремовой и розовой мальвы. Увалы и лощинки, начинаясь отъ горъ, протянулись поперекъ участка (съ сѣвера на югъ) и оканчиваются у рѣчки Алкабека, служащаго и границей этого участка и границей Россійской и Китайской имперій [1]).

Изъ горъ въ лощинкахъ протекаютъ по участку двѣ рѣчки—Нижняя и Средняя Теректы, которыя впадаютъ въ тотъ же Алкабекъ. Впрочемъ только ранней весной, да въ концѣ осени приносятъ онѣ въ Алкабекъ воды сравнительно большое количество, лѣтомъ же, т. е. отъ начала посѣвовъ и до уборки хлѣбовъ, вся вода изъ нихъ по выходѣ изъ горъ разбирается въ арыки для полива пашенъ, и тогда русло Нижней Теректы совсѣмъ сухое, а въ Средней, хотя и журчитъ маленькій ручей, но только потому, что еще не совсѣмъ хорошо устроены плотины, задерживающія и поднимающія воду въ арыки. Зимой Нижняя Теректа промерзаетъ до дна, а Средняя промерзаетъ только въ большіе

---

[1]) Алкабекъ беретъ свое начало изъ ключей въ горахъ Алтая верстъ за 100 отъ Алексѣевки, и впадаетъ въ Иртышъ недалеко отъ Ашадаса. По всему теченію Алкабекъ служитъ границей Россійской и Китайской имперій; лѣтомъ онъ почти сухъ въ виду того, что вся вода, какъ его собственная, такъ и его притоковъ, разбирается въ арыки.

морозы; рѣчки эти параллельны, и разстояніе между ними 4—5 верстъ; какъ уже сказано, Алексѣевка расположена на увалѣ вдоль лѣвой стороны Средней Теректы. Въ 8 верстахъ отъ Алексѣевки вверхъ по Алкабеку и также на границѣ находится еще новый поселокъ—Николаевка, имѣющій 23 дома и считающійся заселеннымъ полностью. Возлѣ Николаевки течетъ рѣчка Верхняя Теректы, тоже впадающая въ Алкабекъ и тоже служащая для полива пашенъ. Дальше въ горахъ, по направленію къ Алтайской станицѣ есть еще 2 или 3 маленькихъ поселка Зайсанскаго уѣзда; но они имѣютъ уже совершенно горный характеръ; поливать пашню тамъ не требуется, но такіе овощи, какъ арбузы и даже огурцы тамъ не созрѣваютъ [1]).

Вся площадь, занимаемая этими двумя участками, съ трехъ сторонъ окружена непрерывной цѣпью горъ: съ двухъ сторонъ ее полукругомъ охватили отроги Алтайскихъ горъ, къ которымъ съ третьей стороны присоединяются песчаныя китайскія горы Акъ-Кумъ, тянущіяся вдоль Алкабека всего въ одной или двухъ верстахъ отъ него [2]). Такимъ образомъ, здѣсь образовался уголъ, обгороженный горами и открытый только съ одной юго-западной, теплой стороны; вѣроятно, поэтому климатическія условія этого уголка такъ сильно отличаются и отъ холодныхъ горныхъ и отъ вѣтреныхъ равнинныхъ условій.

Каменные отроги Алтайскихъ горъ и здѣсь еще не очень приглядны, но въ 20—30 верстахъ отсюда на нихъ можно встрѣтить хорошую травяную растительность и мѣстами превосходный лиственный лѣсъ; здѣсь же они покрыты разнымъ мелкимъ кустарникомъ: сѣрой таволожкой, такимъ же карагайникомъ и очень иглистымъ горнымъ шиповникомъ. Наиболѣе высокіе хребты этихъ горъ значительно выше „Кальджирскихъ“ и имѣютъ не черный,

---

[1]) Въ 22 верстахъ отъ Николаевки, въ горахъ, въ урочищѣ Кызылъ-иши находится третій поселокъ — Александровка, ровесникъ этимъ двумъ поселкамъ, но имѣющій другія, горныя, климатическія условія.

[2]) Это—тѣ самыя горы, которыя въ ясный день виднѣются такъ странно, какъ миражъ, изъ поселка Ардынскаго.

какъ тѣ, а сѣро-желтый цвѣтъ. Каменныя гряды угрюмо громоздятся одна другой выше, часто выступаютъ отвѣсныя и нависшія скалы и грозятъ раздавить человѣка, какъ самую маленькую козявку.

Въ ущельяхъ горъ, гдѣ бѣгутъ ключи и рѣчки, природа, сравнительно, богата: тамъ можно найти много осины, тальнику, а изрѣдка можно встрѣтить и березку; тамъ обиліе ягодъ—ежевики, есть дикій крыжовникъ, попадается и смородина, много калины, черемухи и сколько угодно хмѣля. Однако пробраться къ нимъ—дѣло нелегкое, такъ какъ часто придется карабкаться по острымъ и обрывистымъ гребнямъ, то круто взбираясь на нихъ, то глубоко опускаясь въ ущелье, то вновь оттуда выбираясь. Впрочемъ, за исключеніемъ крыжовника и хмѣля, все это растетъ также и по всему теченію Средней Теректы и, слѣдовательно, есть и возлѣ самаго поселка, но тутъ все это часто рубится, обламывается, затаптывается, и, такимъ образомъ, все испорчено и портится.

Песчаныя горы Акъ-Кумъ, которыя всегда передъ глазами Алексѣевцевъ, начинаются отъ урочища Кызылъ-е́нке и тянутся къ Алтайскимъ отрогамъ, имѣя около 40 верстъ длины и отъ 20 до 30 верстъ ширины. Это—горы чистѣйшаго желтоватаго песку; самые высокіе хребты ихъ поднимаются саженей на 50 выше Алексѣевки и тамъ оканчиваются острыми обрывистыми гребнями. Линіи всѣхъ гребней почти параллельны и тянутся съ юга на сѣверъ, потому что господствующіе здѣсь вѣтры дуютъ съ запада на востокъ, прямо на Алтайскія горы. Мнѣ кажется, что огромныя океанскія волны послѣ сильной бури должны быть очень похожи на эти песочныя волны; похожи онѣ и на снѣжные наносы, которые бываютъ у насъ въ глубокую зиму, послѣ сильной снѣжной метели; только, понятно, пески эти имѣютъ высоту въ сотни разъ большую, чѣмъ наши снѣжные наносы.

Интересуясь получше ознакомиться съ окрестностями, я взобрался однажды на одинъ изъ высокихъ гребней этого песку. Оттуда я увидѣлъ за пескомъ китайскую пріиртышскую равнину, которая все такъ же тянулась на юго-

востокъ, скрываясь на горизонтѣ; за равниной на югѣ опять блестѣли такія же волны песку, а за пескомъ,— чуть-чуть виднѣясь, начинались вновь безконечныя горы, закрываемыя синей туманной далью. Эта Китайская сторона еще болѣе пустынна, чѣмъ русская и также населена киргизами, но подданными китайскаго богдыхана.

Я ужъ говорилъ, что Алексѣевка въ климатическомъ отношеніи находится въ исключительномъ положеніи и хотѣлъ бы сказать объ этомъ нѣсколько подробнѣе. Весна начинается здѣсь раньше, чѣмъ въ Калужской губерніи и приблизительно одновременно съ Кіевской губерніей. Въ нынѣшнемъ году съ апрѣля здѣсь сѣяли ярицу, горохъ макъ и садили картофель, тогда какъ въ Калужской губерніи въ это время земледѣльцы ни за что еще не могли браться, такъ какъ было холодно.

Лѣто въ этомъ уголкѣ всегда благопріятно для созрѣванія, и я видѣлъ, что огурцы, дыни, арбузы и вообще всякіе овощи, а также и хлѣбъ, созрѣваютъ здѣсь не позднѣе чѣмъ въ Малороссіи.

Говорятъ, что и зима здѣсь очень мягкая: большихъ морозовъ не бываетъ, не бываетъ и сильныхъ бурановъ, чего нельзя сказать относительно даже ближайшихъ мѣстъ къ Алексѣевкѣ; все это, конечно, благодаря горамъ, окружающимъ ее и загораживающимъ отъ вѣтровъ и морозовъ.

Земля при умѣлой обработкѣ, т.-е. главнымъ образомъ при умѣломъ поливѣ, даетъ огромные урожаи. Однажды въ праздничный день я пошелъ посмотрѣть на Алексѣевскія поля: урожай былъ такой, лучше котораго я еще никогда не видалъ. Невольно вспомнилась благодатная Месопотамія, куда ходили еврейскіе ходоки и откуда принесли для показа огромныя виноградныя грозди. Высокая и густая съ крупными колосьями зрѣла пшеница и тихо волновалась, какъ большое озеро отъ дуновенія вѣтра. Еще выше пшеницы стояла рожь-ярица, совсѣмъ уже спѣлая, готовая къ жатвѣ, и подъ лучами солнца переливалась золотистымъ блескомъ. Очень хороши были также овесъ и ячмень, особенно по сравненію съ нашими

тощими калужскими урожаями. Но всего лучше было просо: своимъ ростомъ, густотой и тяжестью кисти оно прямо напоминало Месопотомскія грозди. Казалось, всѣ хлѣба поспорили между собою, который изъ нихъ уродится лучше и обильнѣй, и всѣ честно старались превзойти другъ друга, и хотя всѣ они уродились отлично, но просо превзошло ихъ всѣ.

Нынѣшимъ лѣтомъ Алексѣевцы собирали съ десятины: пшеницы до 150 пудовъ, ржи-ярицы до 120 пудовъ, овса до 100 пудовъ, ячменя тоже до 100 пудовъ, а проса до 200 пудовъ. Нѣкоторые понемногу сѣяли коноплю и ленъ; урожай ихъ былъ хорошій. Гречихи вообще въ Зайсанскомъ уѣздѣ не сѣятъ и даже въ зайсанскихъ лавкахъ гречневыхъ крупъ не имѣется, поэтому предполагалось, что гречиха здѣсь родиться не можетъ. Но такое предположеніе оказалось невѣрнымъ. Староста этого поселка гдѣ-то досталъ 10 фунтовъ гречихи и посѣялъ ее для опыта. Гречиха родилась удивительная: рослая, пышная, съ крупными зернами. Обмолотилъ староста гречиху и собралъ 4 мѣшка зерна, т.-е. около 20 пудовъ. Сѣялъ гречиху и другой крестьянинъ и тоже сѣялъ для опыта всего 7—8 горстей, и у него вышла гречиха невиданная. Теперь почти всѣ крестьяне хотятъ просить у нихъ сѣмена гречихи и сѣять ее. Урожай всякихъ овощей: дынь, арбузовъ, огурцовъ, капусты, моркови, тыквы и тому подобныхъ, не заставлялъ желать ничего лучшаго. И главное, что здѣсь такой урожай не есть случайный, не зависитъ отъ дождей, а находится въ рукахъ самого земледѣльца,—зависитъ отъ его умѣнья во-время и въ нужномъ количествѣ полить землю водой изъ рѣчекъ.

Прочитавъ эти строки, многіе, вѣроятно, подумаютъ, что благосостояніе крестьянъ въ этомъ поселкѣ съ такими благодатными урожаями должно быть очень завидно, по крайней мѣрѣ въ будущемъ. Но это еще вопросъ, и чтобы объяснить это, нужно сказать и объ отрицательныхъ качествахъ этого уголка, и тогда, вѣроятно, станетъ понятнымъ, почему у большинства даже до нѣкоторой степени устроившихся крестьянъ благосостояніе не велико и нем.

ногимъ лишь лучше, чѣмъ въ любой русской захудалой деревнѣ. О тѣхъ же, которые только еще начали устраиваться, я ничего не говорю, такъ какъ такіе здѣсь, какъ и всюду на новыхъ мѣстахъ, терпятъ во всемъ крайнюю нужду. Но дѣло въ томъ, что и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда всѣ окончательно устроятся, и тогда трудно ожидать, чтобы благосостояніе этихъ крестьянъ соотвѣтствовало обилію ихъ урожаевъ. Такъ предполагаютъ и сами крестьяне, а нѣкоторые изъ нихъ, вполнѣ ознакомившись со всѣми условіями, даже собираются уѣзжать отсюда, не дорожа высокими урожаями и всѣми другими удобствами.

Въ чемъ здѣсь загадка?

Эта загадка отгадывается тремя отвѣтами.

И первый—земли мало.

— Какъ мало, закричатъ незнакомые съ условіями здѣшняго земледѣлія, вѣдь говорилось, что земли здѣсь 10,000 десятинъ и при томъ большей частью удобной, дающей огромные урожаи.

— Да, земли 10,000 десятинъ, но пользоваться можно только пятью стами десятинъ, такъ какъ только на такое количество достаетъ воды въ рѣчкахъ, а остальная вся земля остается неиспользованной и представляетъ ни на что негодную пустошь; я ужъ говорилъ, что при недостаткѣ воды невозможно развести даже маленькаго огорода возлѣ дома. Итакъ, количество земли даже вполнѣ годной для земледѣлія и плодородной не имѣетъ здѣсь никакого значенія, а имѣетъ значеніе только количество воды, а вотъ воды-то сравнительно съ землей и мало.

Правда, воды мало только тогда, когда она очень нужна, т. е. во время роста хлѣба, весной же въ этихъ рѣчкахъ воды, какъ говорится, море, но вся она убѣгаетъ въ Алкабекъ, потомъ въ Иртышъ, а затѣмъ и въ Ледовитый океанъ.

Правда и то, что въ горныхъ ущельяхъ очень удобно сдѣлать большія запруды, задерживающія воду для лѣта, и тогда можно бы пользоваться всѣмъ возможнымъ количествомъ земли, т. е. въ 10 разъ большимъ, чѣмъ моль-

зуются теперь; но устроить такія запруды едва ли будетъ по силамъ самимъ крестьянамъ этого поселка.

Вотъ духоборы, которые уѣхали въ Америку, могли бы, вѣроятно, все это сдѣлать и сами.

И пока запруды не будутъ устроены, а онѣ могутъ и никогда не быть устроенными, приходится пользоваться лишь 500 десятинами и дѣлить ихъ на 570 душевыхъ долей.

Да и эти 500 десятинъ дались не сразу, а по мѣрѣ увеличенія арыковъ и утилизаціи всей возможной воды. Проводить новые арыки крестьяне договаривали киргизовъ и за эту работу платили киргизамъ не деньгами, а тѣмъ, что давали имъ въ аренду землю не пріѣхавшихъ еще крестьянъ.

Нужно-ли доказывать, что при пользованіи такимъ количествомъ земли сытымъ быть, конечно, можно, но завести, напримѣръ, хотя бы не худые сапоги будетъ трудно; и кирпичный чай, какъ пьютъ теперь безъ сахара, такъ, вѣроятно, и всегда будутъ пить безъ него, тѣмъ болѣе, что сахаръ здѣсь очень дорогъ; и какъ теперь освѣщеніе даже коптилкой считается для тощаго бюджета обременительнымъ (керосинъ здѣсь продается 10—12 коп. фунтъ), такъ, повидимому, оно будетъ считаться и въ будущемъ; я думаю, что это понятно безъ особыхъ объясненій.

И это первый отвѣтъ на загадку, но нужно еще сказать, что съ малоземельемъ крестьяне могли бы мириться и справиться легче всего,—а вотъ еще второй:

Чуть не каждый день приходилось видѣть тревожно бѣгущихъ людей, ищущихъ своихъ пропавшихъ коровъ, быковъ, лошадей. Не всякій разъ оказывается дѣйствительная кража; случается, что животныя заходятъ сами куда-нибудь въ горы и потомъ отыскиваются; но часто бываютъ и настоящія кражи, и тогда животныя пропадаютъ безслѣдно, и жалкому благосостоянію новосела наносится этимъ тяжкая пробоина. Я прожилъ въ Алексѣевкѣ полтора мѣсяца, и за это время было 9 настоящихъ кражъ лошадей. Особенно была поразительна кража у недавно пріѣхавшаго сюда крестьянина двухъ лошадей, привязан-

ныхъ къ телѣгѣ, въ которой спалъ самъ крестьянинъ, возлѣ шалаша, гдѣ находилась вся семья. Никто не слышалъ, какъ воры отвязали лошадей и угнали ихъ Богъ вѣсть куда. Поэтому понятно, что какъ только исчезала куда-нибудь скотина, подымалась суматоха; хозяева скакали во всѣ стороны и за пески въ китайщину и въ горы, отыскивая пропажу, и не всегда, конечно, находили. Поэтому также понятно, почему въ Алексѣевкѣ по улицѣ нельзя пройти одному и безъ палокъ, не будучи искусаннымъ собаками, которыхъ зажиточные хозяева имѣютъ здѣсь по 3 и по 4 штуки во дворѣ. Кражи эти существуютъ здѣсь съ самаго основанія поселка и по мѣрѣ его увеличенія все увеличиваются.

Кто же воруетъ?—Большею частью—киргизы, но однажды попался въ нихъ и русскій; вѣдь поселокъ сборный, люди сошлись съ разныхъ сторонъ и не о каждомъ извѣстно, чѣмъ онъ занимался прежде.

И наконецъ, третій отвѣтъ на загадку—это страшная вражда, ссоры и драки, процвѣтающія въ Алексѣевкѣ съ особенной силой: почти каждый праздникъ можно было видѣть драку между крестьянами, тогда какъ въ будни происходили такія-же столкновенія крестьянъ съ киргизами. Въ поселкѣ есть и очень хорошіе и умные люди, но что они могутъ сдѣлать, если вообще не принято рѣшать дѣла мирно; все это въ высшей степени тормозило всякія общественныя дѣла въ Алексѣевкѣ. Надобно сказать, что въ Алексѣевку собрались люди разныхъ губерній, съ разными привычками, люди совершенно чуждые другъ другу: тутъ были и малороссы (болѣе всего), и великороссы и здѣшніе сибиряки, пришедшіе сюда изъ Алтайскихъ горъ, гдѣ имъ надоѣлъ холодъ. Помимо этого всѣ малороссы и великороссы пришли сюда не прямо съ родины, а изъ разныхъ мѣстъ Сибири, гдѣ они жили по 3 по 4 года на разныхъ неудачныхъ участкахъ, гдѣ всѣ они много пострадали и растеряли своихъ товарищей: то ушедшихъ обратно въ Россію, то погибшихъ въ солонцахъ Сибири. Эти оставшіеся были твердые люди, выдержавшіе всякія невзгоды, но не желавшіе ни на іоту усту-

пать своего интереса, что и приводило ихъ къ безконечнымъ столкновеніямъ [1]). Столкновенія у крестьянъ между собою происходили чаще всего изъ-за воды, а между крестьянами и киргизами изъ-за потравъ, причиняемыхъ киргизами, или по поводу подозрѣнія ихъ въ кражѣ. На почвѣ этой неурядицы въ концѣ нынѣшняго лѣта былъ застрѣленъ крестьяниномъ одинъ киргизъ, китайскій подданный, и такимъ образомъ возникло даже нѣчто въ родѣ пограничнаго конфликта. Разобрать этотъ конфликтъ оказалось почти невозможнымъ: крестьянинъ, застрѣлившій киргиза, говоритъ, что отбивалъ украденныхъ лошадей, а киргизы, товарищи убитаго, показываютъ совершенно обратное. Такъ это убійство и осталось неразобраннымъ и возможно, что такимъ оно и останется.

Но этотъ случай всколыхнулъ китайскихъ пограничныхъ киргизовъ, которые стали грозить, что если крестьянинъ, убившій киргиза, не будетъ наказанъ по-китайски, т. е. смертной казнью, то они, киргизы, въ одну темную ночь сожгутъ весь поселокъ и порѣжутъ тамъ всѣхъ русскихъ. Но извѣстно, что киргизы вообще большой храбростью или жестокостью не отличаются, и потому ихъ угроза испугать Алексѣевцевъ не можетъ, но каждый изъ нихъ послѣ этого случая всегда держалъ поближе оружіе и тревожно поглядывалъ темной ночью на свои строенія.

Вотъ эти-то три причины и тормозятъ развитіе благосостоянія Алексѣевцевъ, и неизвѣстно, измѣнятся-ли онѣ когда-нибудь къ лучшему.

Изъ Алексѣевки мнѣ удалось, наконецъ, пробраться и на Кызылъ-ёнке, пристроившись къ гидротехнической партіи.

---

[1]) Ихъ разсказы о совершенно различныхъ мѣстахъ Сибири очень интересны и поучительны: тутъ были и бѣжавшіе отъ постоянной засухи съ юга Акмолинскихъ степей, и прибывшіе изъ Уссурійскаго края, гдѣ ихъ ежегодно буквально заливало дождемъ, и были изъ такихъ мѣстъ Сибири, гдѣ на Троицу бываютъ еще морозы, а въ концѣ августа ходятъ уже въ рукавицахъ и полушубкахъ овчинныхъ.

Участокъ этотъ въ переселенческой книжкѣ 1907 года названъ „Китайскимъ“,—можетъ быть, потому, что онъ на самомъ дѣлѣ находится на китайской сторонѣ Алкабека. Можно бы разсказать, какъ это случилось, но это длинная исторія.

„Китайскій“ участокъ имѣетъ 2400 десятинъ и назначенъ на 141 душевую долю. Много ходоковъ подавали заявленія о зачисленіи за ними этого участка, были въ этомъ числѣ и наши калужскіе, тоже Жиздринскаго уѣзда, но къ счастью крестьянъ участокъ никому не давали, такъ какъ онъ вызывалъ сомнѣнія въ достаточности воды для полива. Но я говорилъ уже въ примѣчаніи, что Алкабекъ въ лѣтнее время бываетъ совсѣмъ сухъ, потому что вся вода, какъ его собственная, такъ и его притоковъ разбирается выше Кызылъ-ёнке въ арыки; значитъ, пашни поливать здѣсь нечѣмъ и слѣдовательно не можетъ здѣсь родиться и одного зерна. Кызылъ-ёнке значится въ переселенческихъ книжкахъ свободнымъ участкомъ 3 или 4 года, и никому неизвѣстно, что съ нимъ дѣлать. Къ сожалѣнію это обстоятельство ходакамъ совершенно не извѣстно, такъ какъ они приходили на Кызылъ-ёнке весной, когда воды въ Алкабекѣ бываетъ много.

Между тѣмъ отрѣзать этотъ участокъ для поселка стоило начальству большихъ хлопотъ. На немъ жили киргизы, китайскіе подданные и считали его своимъ; и когда вышло распоряженіе уходить киргизамъ съ этого участка, то они не хотѣли подчиняться никакимъ распоряженіямъ. Тогда послали отрядъ казаковъ, чтобы сжечь киргизскія зимовки, какъ ихъ объ этомъ и предупреждали. Зимовки въ количествѣ 40 штукъ были сожжены, и киргизы, такимъ образомъ, были выдворены изъ Кызылъ-ёнке. А теперь оказывалось, что все равно Кызылъ-ёнке нельзя воспользоваться для поселка.

Какъ же такъ жестоко ошиблись отрѣзавшіе этотъ участокъ?

Оказывается—очень просто: когда отрѣзался участокъ, воды въ Алкабекѣ и лѣтомъ было достаточно, и киргизы, владѣвшіе Кызылъ-ёнке, имѣли тамъ посѣвы. Но тогда и

Алексѣевскія и Николаевскія пашни тоже были во владѣніи киргизовъ; а такъ какъ киргизы сѣяли тамъ въ три раза менѣе, чѣмъ сѣютъ теперь русскіе, и въ три раза менѣе брали воды изъ притоковъ Алкабека, то понятно, почему тогда въ Алкабекѣ вода была постоянно, а теперь —нѣтъ.

Вотъ и все, что можно сказать „хорошаго“ о Кызылъ-énке.

VII.

Нѣсколько словъ о переселеніи.

И теперь послѣ всего, что я видѣлъ въ Сибири, и послѣ разсказовъ тѣхъ переселенцевъ, которые видѣли Сибирь гораздо болѣе моего, и не только видѣли, но и сами пережили „на новыхъ мѣстахъ“ разореніе и гибель своихъ ближнихъ,—теперь только я вполнѣ ясно понялъ, что значатъ тѣ слова, которыя я встрѣчалъ даже и въ переселенческихъ книжкахъ, что переселеніе въ Сибирь есть не только „трудное, но и опасное дѣло“.

Отводится, напримѣръ, новый участокъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ—въ Тобольской, Томской, Енисейской или Иркутской губ. Весь участокъ обыкновенно сплошной лѣсъ и болота, заросшія лѣсомъ. Сѣнокоса нѣтъ, выгона нѣтъ, мѣста для пашни тоже нѣтъ, а если и есть какія-нибудь изъ этихъ угодій, то въ самомъ маломъ количествѣ.

Новый переселенецъ, пріѣхавъ весной съ семьей, строитъ себѣ изъ бревенъ жилище и принимается за расчистку лѣса для пашни; получивъ ссуду и кормовыя и проведя кое-какъ зиму, весной онъ посѣетъ одну или полторы десятины и, продолжая корчевать пни, ожидаетъ, каковъ будетъ урожай.

Ростъ хлѣба съ весны часто задерживается то холодами, то заморозками и потому въ началѣ августа хлѣбъ стоитъ зеленымъ; но онъ рослый и обѣщаетъ дать урожай не плохой.

Но вотъ нахмуривается небо, и несмотря на то, что

средняго Спаса еще не было, начинаетъ идти снѣгъ Ночью приходитъ морозъ и наноситъ урожаю еще свой ударъ. На утро ласково свѣтитъ солнышко; снѣгъ ослѣпительно блеститъ и понемногу растаиваетъ. Но урожай пропалъ. Пропали всѣ труды, и впереди можно надѣяться на то-же самое.

И проклиная Сибирь и все на свѣтѣ, переселенецъ съ уменьшенной теперь семьей думаетъ бѣжать изъ тайги. Но куда ему бѣжать? На родину?—но тамъ нѣтъ ничего. И переселенецъ рѣшаетъ за лучшее отправиться изъ тайги въ степной край: онъ слышалъ, что тамъ тепло, пни выкапывать не нужно и хлѣбъ бываетъ дешевый—слѣдовательно, жить можно.

А на мѣсто ушедшаго изъ тайги туда привалило изъ Россіи еще масса переселенцевъ, которымъ послѣ побѣга первыхъ основателей легче продолжать ихъ дѣло, такъ какъ разработанной пашни уже больше, начато рыть нѣсколько канавъ для осушки болота, проложены тропинки и т. п. Прибывшіе потомъ получаютъ ссуду, кормовыя и у нихъ начинается своя исторія.

Ушедшій же изъ тайги, послѣ болѣе или менѣе долгаго странствованія, устраивается на степномъ участкѣ и начинаетъ вновь заводиться хозяйствомъ. Опять строитъ жилище, но не изъ бревенъ, а изъ дерна или земляного кирпича,—лѣса въ степи нѣтъ,—опять выдается ссуда, кормовыя и опять посѣяны 1—2 десятины [1]).

Но въ тайгѣ была одна бѣда—морозъ или снѣгъ, а въ степи, оказывается, и морозы и засуха и кобылка. И изъ четырехъ—на три случая можно надѣяться попасть въ степь въ періодъ именно этихъ казней. Вотъ почему такъ часты переселенія переселенцевъ изъ тайги въ степь или, наоборотъ, изъ степи въ тайгу, а потомъ уходъ ихъ или на родину, или наемъ въ работники къ старожиламъ. Поэтому на новыхъ участкахъ въ Сибири всегда скоро бываютъ занятыми всѣ душевыя доли, половина ко-

[1]) Два раза выдавать ссуду одному и тому же лицу не полагается, но это обходятъ тѣмъ, что хозяиномъ выставляютъ другое лицо: брата, сына и т. п.

торыхъ потомъ освобождается и занимается вновь прибывшими. Но каждый участокъ заселяется окончательно развѣ лѣтъ черезъ 8—10 и болѣе, и на каждомъ изъ нихъ переселенцевъ перебываетъ много. Но бываетъ и такъ, что послѣ долгаго и безуспѣшнаго заселенія участка, послѣ того, какъ на немъ перебываетъ двѣ-три смѣны переселенцевъ, участокъ признается негоднымъ и забрасывается совсѣмъ; остаются тогда пустыя хатки, какъ памятники пережитыхъ переселенцами бѣдствій.

Такой заброшенный поселокъ мнѣ пришлось видѣть въ 70 верстахъ отъ Семипалатинска. Въ лютую стужу, ночью, послѣ длиннаго переѣзда я заѣхалъ туда вмѣстѣ съ случайнымъ попутчикомъ, чтобы обогрѣться. Въ темнотѣ виднѣлся длинный рядъ хатокъ, но подойдя къ одной изъ нихъ, я увидѣлъ, что въ ней выломаны окна и обрушенъ потолокъ. Слѣдующая хатка была такой же и такими же оказались и всѣ дальнѣйшія.

Не Змѣй-ли Горынычъ прилеталъ сюда и не онъ-ли поѣлъ всѣхъ переселенцевъ, но зачѣмъ ему ломать потолки и окна?

Мы стали кричать, что было силъ, не окажется ли хотя одного живого переселенца, но отвѣта не было и приходилось хоть замерзнуть. Но потомъ, въ сторонѣ отъ улицы, мы увидѣли огонекъ: оказывается, жили здѣсь еще три или четыре семьи, не успѣвшія до зимы уѣхать, и мы обогрѣлись и переночевали тамъ.

Это былъ большой поселокъ—Таубовка, основанный лѣтъ 12 тому назадъ (въ 1895 г.) и имѣвшій до 20 тысячъ десятинъ земли. Теперь онъ заброшенъ окончательно, и переселенцы переведены изъ него на другой участокъ, который опять названъ Таубовкой, за 60 верстъ отъ этого [1]). Здѣсь же вслѣдствіе сухости почвы ни разу не было даже средняго урожая. Въ 20 верстахъ отъ Таубовки находится такая же Карповка, имѣвшая точно такую же печальную участь.

---

[1]) Названъ Таубовкой въ честь бывшаго Степнымъ Генер. Губернаторомъ барона Таубе.

Были, конечно, и болѣе удачныя заселенія поселковъ, но такіе поселки основались большей частью иначе. Какіе-нибудь смѣлые поселенцы находили подходящую имъ землю и селились на ней, не спрашивая ни у кого разрѣшенія. Кочующіе киргизы, воротившись съ своихъ кочевокъ, находили незванныхъ пришельцевъ на землѣ, которую киргизы считали своею, и требовали, чтобъ они уходили. Пришельцы соглашались платить киргизамъ какую-нибудь пустяшную аренду и оставались на занятомъ ими мѣстѣ. Но поживши и увеличившись въ числѣ, пришельцы отказывались платить за землю киргизамъ. Тогда киргизы ѣхали жаловаться начальству, и начальствомъ писалась „бумага“, чтобы уходить самовольнымъ поселенцамъ съ незаконно занятой земли. Но обыкновенно „бумага“ не производила никакого дѣйствія, и киргизамъ еще не разъ приходилось ѣздить съ жалобами, пока не присылалась вооруженная сила въ видѣ десятка казаковъ, и тогда поселенцы выдворялись. Это происходило слѣдующимъ образомъ: запрягались въ повозки поселенческія лошади, складывалось ихъ имущество и поселенцамъ приказывалось отправляться на всѣ четыре стороны, при чемъ сами казаки сопровождали ихъ на 20—30 верстъ. Но когда казаки уѣзжали обратно, поселенцы тоже возвращались обратно и тогда съ своей стороны посылали ходока къ губернатору съ прошеніемъ отмежевать подъ участокъ занятую ими землю. Прошеніе поселенцевъ такъ же, какъ и жалобы киргизовъ, удовлетворялось не сразу, и проходили года, пока, наконецъ, пріѣзжалъ землемѣръ и отмежевывалъ участокъ. Въ теченіе этого времени случалось, что поселенцевъ вывозили въ степь не разъ, а иногда и совсѣмъ выживали; послѣднее бывало рѣдко, такъ какъ сибирскіе казаки народъ вообще негрубый и не слишкомъ далеко выпроваживали поселенцевъ отъ занятаго ими мѣста.

Такимъ образомъ въ средней Сибири основалось много поселковъ, но все это было раньше, когда были не очень заняты такія мѣста, на которыхъ не трудно было устроиться и безъ всякой ссуды. Разумѣется, на неудачномъ мѣстѣ или въ года неурожаевъ на новыхъ мѣстахъ и тогда происходили бѣдствія еще хуже, чѣмъ теперь.

Но въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году большая часть переселенцевъ направлялась или въ завѣдомо сухую степь, въ область необъятныхъ солонцовъ, или въ область такихъ же необъятныхъ тундръ, или на Дальній Востокъ въ Амурскій или Уссурійскій край.

Обратныхъ бѣгствъ изъ этихъ мѣстъ будетъ, вѣроятно, множество. И въ прошломъ году, какъ ни много ѣхало поѣздовъ съ переселенцами впередъ, но и обратно поѣздовъ было столько же и шли они тоже не пустые, а везли переселенцевъ назадъ въ Россію; только у возвращавшихся не было такъ тѣсно, какъ у ѣхавшихъ впередъ.

Любопытно было бы сосчитать, во сколько же обойдется теперь казнѣ каждый устраиваемый на неудобныхъ для земледѣлія мѣстахъ и осѣвшій такимъ образомъ, что, можно надѣяться, онъ не будетъ искать еще новыхъ мѣстъ или не уйдетъ обратно на родину? Къ сожалѣнію простому ходоку нѣтъ возможности сосчитать точно эту сумму, но если бы сосчитать ее, то, кажется, надъ переселенческимъ дѣломъ, надъ россійской постановкой его задумался бы даже и уважаемый госп. Тимошкинъ.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, каждому прибывшему и зачисленному на участокъ переселенцу выдается на обзаведеніе хозяйствомъ ссуда отъ 165 до 200 рублей —сумма для устройства хозяйства въ сущности очень незначительная и, кромѣ того, выдается до новаго урожая (а при неурожаѣ опять до новаго урожая) продовольственная ссуда по 1 р. 50 коп. на человѣка въ мѣсяцъ— сумма тоже очень маленькая; иначе во многихъ мѣстахъ переселенцы прямо умирали бы съ голода.

Но эти цифры, въ виду обычныхъ переходовъ переселенцевъ съ одного края Сибири на другой ея край, не даютъ никакого понятія о томъ, во сколько же обходится казнѣ надежно осѣвшій переселенецъ [1]).

---

[1]) Изъ Ферганской области было однажды сообщено въ газеты, что тамъ каждый осѣвшій переселенецъ стоилъ казнѣ, считая 1) стоимость межевыхъ работъ, 2) работъ по устройству искусственнаго

— Что было бы—спросилъ я одного переселенца, побывавшаго въ Иркутской тайгѣ, пожившаго въ степи въ верховьяхъ Ишима и теперь предполагающаго осѣсть въ Зайсанскомъ уѣздѣ на пашнѣ съ искусственнымъ орошеніемъ—что было бы, если бы ту сумму, какую ты переполучилъ изъ казны, то въ ссуду, то какъ „кормовыя“, да дать тебѣ на родинѣ на поправленіе хозяйства?

— О, я былъ бы первымъ хозяиномъ! Да хотя бы не денегъ, а только дали бы земли да хорошихъ сѣмянъ, то и тогда бы я не захотѣлъ и всей Сибири. Да тамъ я могъ бы со временемъ и расплатиться за все, а тутъ...—бывшій россіянинъ махнулъ рукой.

Съ нимъ нельзя было не согласиться.

Но заселеніе пустыхъ мѣстъ, говорятъ многіе, есть государственная необходимость и требуется той государственной мудростью, во имя которой приносятся и болѣе значительныя жертвы.

Что жъ и съ этимъ нельзя не согласиться. И если государственная мудрость требуетъ заселить такое, напримѣръ, пустынное мѣсто, какъ Уссурійскій край или Амурскую область, то и нужно заселять. Но зачѣмъ же заселеніе этихъ „новыхъ мѣстъ“ устраивать такимъ образомъ, что на нихъ неизбѣжно бѣдствуютъ переселяющіеся и часто, разорившись, убѣгаютъ съ нихъ?

Мнѣ вспоминается Ардынскій участокъ и мои горемычные земляки, которые прежде даже не слышали, что такое есть искусственное орошеніе и которымъ дали въ сущности цѣнную землю съ давно устроеннымъ орошеніемъ, но даже не подумали дать имъ знающаго человѣка, который показалъ бы, какъ пользоваться этимъ орошені-

---

орошенія—удачныхъ и неудачныхъ, 3) содержаніе переселенческой организаціи, 4) перевозку прибывающихъ и уѣзжающихъ переселенцевъ и 5) ссуды хозяйственныя и продовольственныя — считая все это, сумма, израсходованная на каждаго осѣвшаго тамъ переселенца достигала десяти тысячъ рублей (10000 р.)!

Можетъ быть эта сумма и не совсѣмъ точна, но, принимая во вниманіе нѣкоторые другіе извѣстные курьезы изъ нашей дѣйствительности, не было основаній сомнѣваться въ правдоподобности и этой цифры.

емъ. Я ужъ упоминалъ, каковъ урожай получился у „ардынцевъ“, и что благодаря этому одни изъ нихъ вернулись на родину, другіе ушли въ горы, а третьи, можетъ быть, еще убѣгутъ. Я также упоминалъ, какова могла бы быть Алексѣевка, если бы у переселителей вообще было какое-нибудь желаніе устраивать поселки благоустроенными [1]).

Недавно сообщалось о китайцахъ, которые тоже стали заселять свою сторону Амура и упоминалось, какъ они это дѣлаютъ. Оказывается, китайцы устраиваютъ своихъ переселенцевъ такимъ образомъ, какимъ и должно быть вообще переселеніе, тѣмъ болѣе въ суровый край, не совсѣмъ благопріятный для земледѣлія. У нихъ сначала путемъ опытныхъ посѣвовъ опредѣляется пригодность для земледѣлія мѣста, затѣмъ, гдѣ нужно, роются канавы для осушки сырыхъ мѣстъ, гдѣ нужно выкорчевывается лѣсъ и т. д., и такимъ образомъ приготовляется болѣе или менѣе значительная площадь, на которой прямо можно производить посѣвы. Затѣмъ строятся даже фанзы и доставляется все, что нужно для хозяйства, и тогда только ѣдутъ туда переселенцы-китайцы, которые и берутся прямо за земледѣліе въ почти устроенномъ поселкѣ.

Если сосчитать такое устройство переселенцевъ, то въ концѣ концовъ оно едва-ли окажется даже и дороже теперешняго нашего переселенія.

Многихъ ходоковъ иногда соблазняютъ нѣкоторыя старыя богатыя сибирскія села, въ которыхъ сибиряки живутъ съ такимъ отличнымъ отъ россійскихъ крестьянъ благосостояніемъ. Но къ сожалѣнію не всѣмъ ходокамъ ясно, что такого благосостоянія на новыхъ участкахъ никогда не достигнуть, кромѣ самыхъ рѣдкихъ случаевъ. Старожилы заняли вѣдь не только лучшія мѣста, но и

---

[1]) Въ нынѣшнемъ году въ Семипалатинской области ассигновано на устройство церквей въ поселкахъ 100,000 руб.

пахотной земли и прочихъ удобствъ у нихъ гораздо болѣе, чѣмъ можно имѣть на новомъ участкѣ.

Мнѣ, однако, такъ и не удалось найти свободный участокъ въ Семипалатинской области, не считая, конечно, Кызылъ-е́нке.

Въ Семипалатинскую область я направился, между прочимъ, и потому, что читалъ въ переселенческихъ книжкахъ, что гор. Семипалатинскъ производитъ огромную торговлю хлѣбомъ. Изъ этого я заключилъ, что эта область очень удобна для земледѣлія. А такъ какъ въ этихъ книжкахъ обязательно упоминается, что въ Семипалатинской области 46 милліоновъ дес. земли, а жителей приходится всего $1^1/_2$ человѣка на квадр. версту, то мнѣ думалось, что въ этой области легко найти мѣсто не только для нашей деревни, но и для всей нашей губерніи (да и послѣ этого, я разсчитывалъ, останется много мѣста другимъ).

Но оказывалось, что въ переселенческихъ книжкахъ кое-что не допечатано.

Не допечатано, между прочимъ, и то, что Семипалатинскъ не то что торгуетъ, но и кормится хлѣбомъ не изъ своей области, а привозимымъ въ него изъ Томской губерніи, граница которой проходитъ отъ Семипалатинска всего въ 5-ти верстахъ, захвативъ всѣ лучшія мѣста, лѣсъ и т. д. (см. начало гл. IV.). Въ Семипалатинской же области хотя и имѣется теперь до 200 населенныхъ станицъ и селеній, но большая часть изъ нихъ своимъ хлѣбомъ сама едва кормится, а иногда пріѣзжаетъ въ Семипалатинскъ покупать хлѣбъ, привезенный изъ Томской губерніи [1]).

---

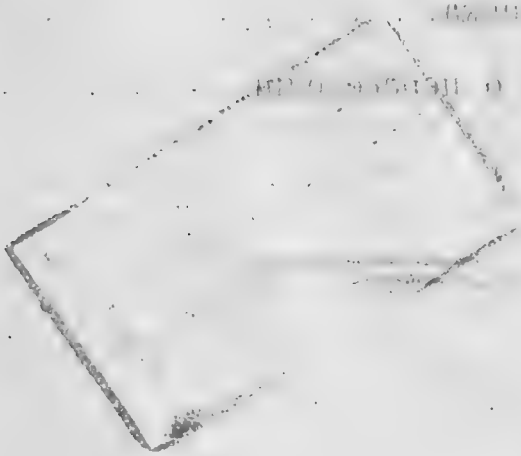
[1]) Томская губ. въ нѣкоторыхъ частяхъ очень удобна для земледѣлія, поэтому въ ней давно существуетъ около 2000 большихъ селъ и деревень, населеніе которыхъ приближается къ 2 милліонамъ душъ. Въ 1898 году подъ посѣвомъ считалось 1,729,603 десятины, съ которыхъ собрано около 90 милліоновъ пудовъ разнаго хлѣба (см. Сиб. кал. за 1901 г.). Это лучшая во всей Сибири губернія.

Въ Семипалатинской области считается всего населенія 685,197 душъ (по данн. всеросс. переписи), въ числѣ которыхъ русскихъ 76,821 человѣкъ. При среднемъ урожаѣ разнаго хлѣба собирается около 4 милліоновъ пудовъ во всей области.

Не упоминается также въ переселенческихъ книжкахъ о томъ, что на отрѣзанныхъ въ Семипалатинской области участкахъ, въ виду ея природы, годной для пашни земли вообще очень немного, но за то очень много то полуголыхъ солонцовъ, то повылѣзшихъ изъ нѣдръ земли каменныхъ чудовищъ. Такъ же очень немного пахотной земли и на всѣхъ вообще участкахъ Сибири. Вотъ почему становятся понятными и статистическія обслѣдованія, которыя показываютъ, что на новыхъ участкахъ въ Сибири даже и на такихъ, которые называются удобными, переселенцы только черезъ 8 лѣтъ достигаютъ такого благосостоянія, какое они имѣли на родинѣ до переселенія. Но часто, попавъ въ неурожайные годы или на неудобные участки, новоселы по 3 и по 4 года бѣдствуютъ такъ, какъ никогда не бѣдствовали и на родинѣ, и не погибаютъ они наполовину только потому, что получаютъ отъ казны пособіе, какъ и вообще голодающіе.

Увидѣвъ и узнавъ все это, я уѣхалъ изъ Семипалатинской области и изъ Сибири.

М. Сумкинъ.

Оглавленіе.

		стр.
I.	Что заставило меня отправиться ходокомъ въ Сибирь.	3
II.	Отъ Калуги до Омска.	8
III.	Изъ Омска въ Семипалатинскъ.	12
IV.	Въ Киргизскій край къ Китайской границѣ . .	17
V.	Ардынскій участокъ	24
VI.	Поселокъ Алексѣевка.	40
VII.	Нѣсколько словъ о переселеніи	53